

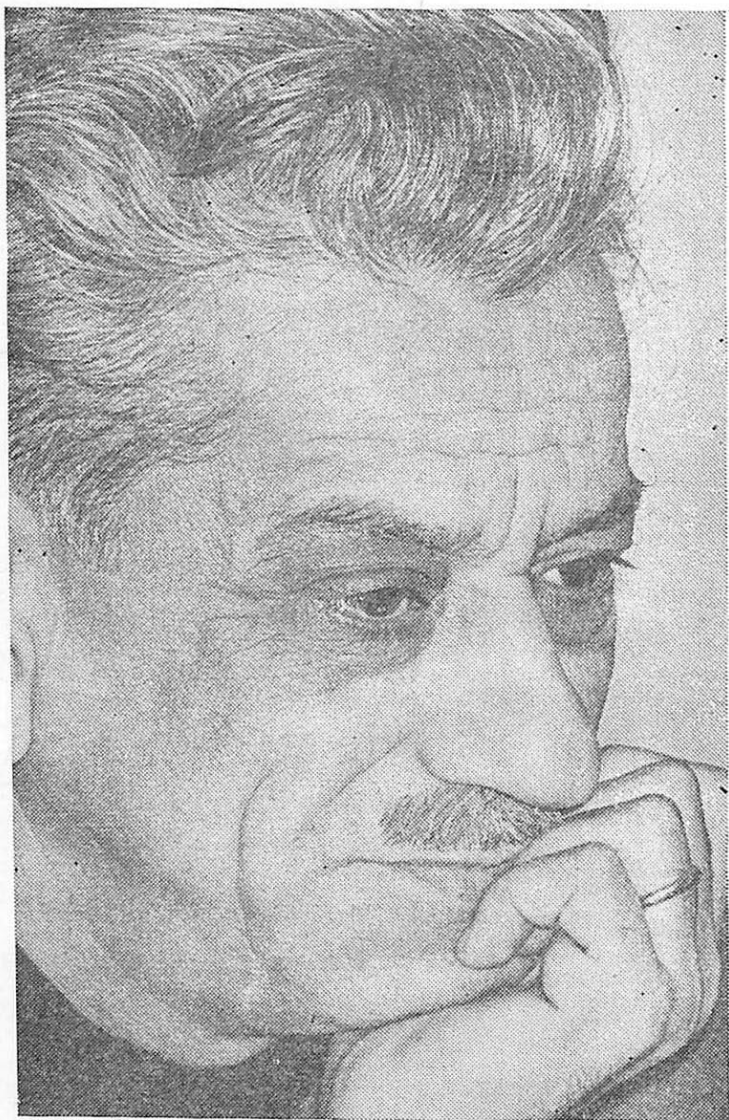
**БАХТИЯР
ВАГАБЗАДЕ**

**ВСЕ
ПРОСТРАНСТВО
ДУШИ**

БАКУ
ЯЗЫЧЫ
1985

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ

ВСЕ ПРОСТРАНСТВО ДУШИ

Стихи и поэмы

Азербайджанская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ф. Ахундова

С(Аз)2
В 13

СТИХИ

Вагабзаде Б.

В13 Все пространство души. Стихи и поэмы. Б.,
Язычы, 1985.—245 с.

В одном томе народного поэта Азербайджана, лауреата Государственной премии СССР Бахтияра Вагабзаде вошли стихи и поэмы последних лет. Раздумья о драматических контрастах эпохи, о нравственных исканиях человека, о возвышающей силе любви, пристальное внимание к духовной жизни современника, отзвук тревог и надежд нашей планеты составляют главный поэтический нерв этой книги.

В 4702030200—140
М-553—85 43—85

С(Аз)2

© Язычы, 1985

ВОВРЕМЯ

«Пусть будет долгой жизнь твоя!» — сказали.
Когда-нибудь окончится она...
Но жизнь без смысла нам нужна едва ли,
и в том не будет толка, что длинна.

Коль нужен ты зачем-то и кому-то,
в мгновенье ока пролетят года.
И бесконечно тянутся минуты,
коль ты не нужен людям, — вот беда...

Иной ползет, усталостью распластан,
и в скуке, в муке жизнь проходит вся.
Чем быть у жизни на плечах балластом,
уж лучше умереть, свой груз неся!

Другой живет в сомнительном веселье,
все хочет взять от жизни, жив пока.
Да, смерть страшна. Еще страшней — без цели
жизнь прожигать, длинна ли, коротка.

А я живу, всегда одним терзаясь:
смысл жизни обрести трудом своим.
Мне шелковичный червь внушает зависть:
он погибает, только кокон свив.

Живи! Ведь близок час твой, может статься.
Ты — человек и только, во плоти.
И, чтобы в жизни навсегда остаться
всем лучшим, надо вовремя уйти.

ВЭТЭНДАШ*

Вэтэндаш!
Гражданин...
Как прекрасно звучит это слово!
Это значит: мы — братья,
и каждый другого утешит,
и одна у нас мать —
наша родина,
счастья основа,
и навек я — опора тебе,
ну а ты мне — поддержка.

Вэтэндаш!
Гражданин...
Как прекрасно звучит это слово!
Плоть различна,
но дух этой плоти — навеки единый.
Мы — сородичи,
дети любимого дома родного,
боль твоя — и моя,
одного и того же хотим мы.

Вэтэндаш!
Гражданин...
Как прекрасно звучит это слово!
Вот — родная земля,
и не будет другой в нашей жизни.
Нет сильнее твердыни,
светлей и надежнее крова.
Мы в ответе за все,
чем обязаны нашей отчизне.

---

* Вэтэндаш — гражданин, от слова вэтэн — родина (азерб.).

Вэтэндаш!
Гражданин...
Как прекрасно звучит это слово!
Благотворный родник
в наши души земли этой соки
перелил,
дал нам общее имя,
в котором основа —
имя родины,
адрес ее, —
жизни главные строки.

Вэтэндаш!
Гражданин...
Как прекрасно звучит это слово!
Наши годы для родины вечной —
секунды, минуты...
Мы — творенье ее,
и не нужно удела другого:
жизнь отдай за творца своего
и творцу своему ты!

МАСТЕР АЛИ

Али Ахмедову, изготавливающему специальную обувь танцорам филармонии.

Его часами слушать вы б могли.
Любовь, добро —
вот дум его истоки.
Отчизна —
бог сапожника Али,
а ремесло —
алтарь его высокий.

Он для людей живет, живет с людьми.
Он ненавидит тех, чья кровь студена.
И томики Сабира, Низами
здесь, вместе с ним работают поденно.

Его душа — прекрасных строк жилье,
укор и мастерам газели лучшим.
Душа Али, как меткое ружье,
готова дать огонь по «мертвым душам».

Поэзия — весь свет его надежд.
С ней — саз души, она — основ основа.
И шилом колет обувь, а невежд
Али сражает остротою слова.

Мечты всегда его туманят взгляд.
Он к ним, а не к привычным будням ближе.
Работает,
ну а мечты парят
над сценой где-то в Лондоне, в Париже...

Как туфельки балетные легки,
как ладно, складно ноги в них обуты!

В чужом краю витает дух «джанги»,
и дышит рядом родина, как будто...

А мастер вдохновенно обувь шьет,
работою мечту и веру множит,
что, несомненно, сам родной народ
танцует там, а не его сапожки.

И, осенен мечты своей крылом,
благословляет танца росчерк четкий.
И слышится оваций дальних гром
в его сапожной маленькой будчонке.

Тому, кто знает, как свой долг вершить,
не надо, чтоб о том его просили.
И можно даже просто обувь шить,
а быть своей стране достойным сыном.

НАДЕЖДА

Что мне враги? И тысяча — не в счет.
Чем раздраженье их потешу?
Не надо славы мне, не нужен мне почет...
О, дайте мне надежду!

С ней на гору я гору положу,
Ни власть, ни деньги нас не держат
на гребне жизни.
Ими я не дорожу.
Проси у жизни, друг, надежду!

Представь, я — в море, суша не видна.
Рвусь к берегу,
но где он, где же?
Что сделает со мной безумная волна,
когда со мной надежда!

Надеемся —
и мир на том стоит.
Уменьем этим овладевши,
защищены мы от печалей, от обид.
О, дайте мне надежду!

С надеждою разлука — не беда.
Она — любви залог и стержень.
Мгновеньем станут трудные года —
лишь дайте мне надежду!

Опять мечты мои в тоске летят
путем все тем же
и привести меня к моей любви хотят...
О, дайте мне в проводники надежду!

Опять родятся и теснят мне грудь
желания мятежно...
У цели я, еще не выйдя в путь,
когда со мной надежда.

С ней на гору я гору положу,
она и небосвод урежет.
Друг мой, тебе я от души скажу:
проси у самого себя надежду!

НОВИЗНА

Однообразно часто длятся дни,
мир юный старя, убивая страсть.
Друг с другом схожи и скучны они.
О, солнце, день мой новизной укрась!

По новостям изголодался дух,
и сердцу жить без новизны нельзя,
по новостям изголодался слух,
по новому соскучились глаза.

Порой свои же строки перечту
и вижу: устарело все в стихах.
И вырваться лелею я мечту
из них, как из колодок на ногах.

Жизнь коротка, а вера нелегка
того, кто ожиданьем удручен, —
на кончике трепещет языка...
Обмолвишься — и запылает он!

Молчу, но так хочу, чтоб утром весть
входила в дом мой с солнцем заодно.
И это — цель моя, я в этом — весь, —
моя душа, мой мир, мое окно.

Вот новый раскрывается бутон.
Надежды к исполнению близки...
Но аромат струит все тот же он,
окрашены, как прежде, лепестки.

Ну, а любовь стара, как мир. Одни
слова друг другу люди говорят...
И все-таки всегда новы они.
Неповторим и поцелуй, и взгляд.

Мир молодеет только потому,
что новизна повсюду и во всем.
Желаю добрых встрясок я ему!
Мы от застоя так его спасем.

Желаю революций! Ведь они,
как жизни утверждающая речь,
во мраке путеводные огни
способны для людских сердец зажечь.

Их миссия светла и высока,
грядут они, великий труд верша.
И жаждет революции строка,
как жаждет революции душа!

Я водопада жажду, что сметет
хлам устаревших мыслей, дел и чувств!
Сражаться с тиной маленьких болот
души и жизни — я у них учусь.

Я жажду революций! По плечу
они планете. В них — душа моя.
И с каждым пробуждением хочу
мир старый обновленным видеть я.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

«Ах, если бы снова ребенком я стал! —
сказал ты, — я жил бы иначе...»
Не так ты, как видно, по жизни ступал
и этим теперь озадачен.

Страдаешь, ошибку свою сознаешь.
И сердце по-новому бьется.
И значит, приятель, по-новой живешь!
Не каждому так удастся...

МОИ ВРАГ

Кто — он,
мой самый страшный враг?
О, если бы его я знал,
я подстерег бы каждый шаг,
с пути бы своего согнал!
Кто — он,
мой самый худший враг?
Тот, кто смеется мне вослед,
тот, кто моим промашкам рад,
достоинств не заметив?..
Нет!
Кто —
враг мой?
Тот, кто наизусть
ошибки выучил мой,
кто знает, где и как споткнусь,
ведя житейские бон?
Нет! — говорю.
Когда б глядел
его глазами на себя,
не делал бы ненужных дел,
мечту сердечную губя.
Тогда увидел бы я сам,
в чем я силен и чем я слаб,
поверил бы своим глазам,
и жизнью стать мечта смогла б
Какая горькая судьба,
и как смириться с той судьбой:
не видеть самого себя,
не быть, не стать самим собой!
Так смейтесь же, мои враги,
вы лучше знаете меня!
А ты, мой слух, ты мне не лги,
трусливо мой покой храня.

Прошу вас,
хохочите зло,
любезные враги-друзья!
Мне с вами вправду повезло.
Вы — зеркало,
в котором — я.
Мне справиться с любым врагом
не так уж трудно, верьте мне.
Но с тем, с кем лучше всех знаком, —
с самим собой, —
трудней вдвойне.
Враги?..
Нет, вы — друзья!
И вот
я благодарностью объят.
Ведь сам себе готовлю мед
и теми же руками — яд...
Мне важен правды глас любой,
пусть и болит душа моя...
За то,
что стал самим собой,
спасибо вам,
враги-друзья!

УСЛАДА И БОЛЬ

И цветок в терзаниях рожден,
что все муки в радость переплавят.
Оттого так нежно пахнет он,
оттого и лепестки пылают.

Вот очаг горит перед тобой.
Так пойми, что веток жаркий трепет,
деревя живая плоть и боль —
тот огонь, что в стужу нас согреет.

Мой читатель! Если отогрет
ты моей строкѣй, я счастлив буду.
Но подумай: и огонь, и свет
вспыхнули в душе твоей откуда?

Этот свет — во мне, как сам ты — в нем,
и огонь во мне пылает шало.
Но, дыша тревожным тем огнем,
знай: он — часть огромного пожара.

Ревизор мой, — вот душа моя.
Я прошу, тебе ее даруя,
ощути: услада — вся твоя,
ну а боль —
ее себе беру я.

* * *

Человек без имени рожден.
Имя после получает он.
Имя...
Для начала лишь одно.
А позднее множится оно.
Звания и разные чины...
Но в родильном доме
все равны.
Всех новорожденных там и тут
взрослые младенцами зовут.
Все желанья их —
одни, точь-в-точь.
Безразлично им:
что — день, что — ночь.
Будут плакать,
если спать хотят,
недопыют или недоедят.
Этот плач —
связующая нить.
Только плачем могут объяснить
матерям, которые глядят
с нежностью на них, —
чего хотят.
Плач...
Быть может, каждому знаком,
был он нашим первым языком?
Не с него ль
давно когда-то
власть
азбуки искусства началась?
Не с его ли помощью возник
философской мудрости язык?
Рождены мы все в одном дому.

Не дано иного никому.
Пусть не знали мы, что — родились, —
голоса в единый хор слились.
Сходство наше проследить легко.
Первой пищей было молоко.
Подошла пеленка в самый раз —
первым платьем — каждому из нас.
Как его потом ни обозначь,
первым словом стал наш детский плач.
А затем, —
не знаю, чья вина, —
изменились платья, имена,
детский лик не удалось сберечь,
изменились и еда, и речь.
Сто своих у каждого забот...
Где же —
мир быллой, единый тот?..

КОГДА ГАСНЕТ ТЕЛЕЭКРАН

Передачи окончены. Передают
на прощанье программу на завтра.
Ты пока еще тут... Не почти же за труд,
не спеши раствориться внезапно!

Ты, ведущий, — куда торопиться, скажи?
Не вернем ни мгновенья! Не так ли?
Жив еще и не канул навек для души
этот день, и не выпит до капли.

В день, идущий навстречу, не переходи.
Надо выкроить, пусть даже малость,
у судьбы... Не уйдет все, что ждет впереди,
а уйдет то, что есть, что осталось.

Дай дожить этот день, выжать все, что могу.
К завтра ты пристрочил его лихо,
но еще я в сегодня, еще — на бегу,
хоть темно уже в мире и тихо.

Дети спать друг за другом, зевая, идут.
Прилегла уже дома хозяйка...
Пусть не гаснет экран, ведь куда ты тут,
мне не так одиноко и зябко.

У ночей попросить можно время взаймы.
Будем бодрствовать, словно при свете.
Что во сне мы найдем, что почувствуем мы?
Разве сон — не подобие смерти?

Слово — к слову, и можно сидеть до утра,
да и — вовсе про время не вспомнив.

Ночь сольется со днем и с долиной — гора,
бесконечность собою заполнив.

Не хочу превратиться в бесплотную тень,
в сон войдя безответно, беззвучно.
Каждый раз, засыпая, хороним мы день
жизни собственной собственноручно.

...А экран помигал и спокойно погас.
Как же мне перейти ночи прочерк?
Как же быть мне с душой, что, бессонно мечась,
хоть какого-то отзвука хочет?

Когда гаснет экран, мы лишь с сердцем — друзья,
но взываю, надежд не утратив:
ты, который не хочет уснуть, как и я, —
как хотел бы тебя отыскать я!

САМОМУ СЕБЕ

Я — в себе. Сколько здесь неисхоженных троп.
Путешествие это век длиться могло б.
Перекрещены нити сердечных дорог.
Сердце — словно пред дальней дорогой порог.
Но куда же ведут они, легшие тут?
К Бахтияру они Бахтияра ведут.

* * *

Дерево я полил —
воду всю впитало.
И внезапно вспомнил, что ты мне шептала.
Вспомнил — и на ветках памяти безлистных
тихо и печально засвистала птица.

Нас разъединяла долгая разлука.
Встретились.
Молчали.

Угасала мука.
Так постичь сумели суть любви однажды,
так с тобой открыли беспредельность жажды.

Лето ли, зима ли, — а вода — вода лишь...
К ней всегда ль губами в жажде припадешь?
Высыхают губы, трескаются губы —
лишь тогда нам струи ледяные любви.

Дерево я полил —
воду всю впитало.
И внезапно вспомнил, что ты мне шептала.
Вспомнил — и на ветках памяти безлистных
тихо и печально засвистала птица.

ОДИНОЧЕСТВО

Оказавшись в одиночестве, встревожен,
воспарит мечтой сначала человек,
но проходит время — будто в бездну брошен
и положен груз на плечи весом в век.

Стены вокруг него теснятся все плотнее.
Слух напрягся, сердце загнано почти.
Пламя жжет нутро и жалит все больнее.
Сто вопросов, а ответа не найти.

Будут думы изводить, увянут силы,
одиночество, как будто бы навек,
свет потушит в нем, живой, неугасимый,
и забудет человек: он — человек.

Не печалься ты, пусть даже горя — море.
Из-за моря солнце всходит, не спеша,
Если рядом хоть один, кто делит горе,
не тужи и не дрожи от бед, душа.

Осень лист желтит на древе одиноком,
ну а лес — не желт, а зелен, как весной.
Даже лев, султан лесов, дремучим оком
зорко ищет, с кем разделит кров лесной.

Для того ль на свете, люди, вы живете,
чтоб на звук тотчас же отзвук не возник?
А тому, кто жабой прячется в болоте,
для чего душа, и нужен ли язык?

Не сольются реки — обмелеет море.
Одинока без другой звезды звезда.
Не сойдутся тучи в споре-разговоре,
гром не грянет, дождь не хлынет никогда.

Не найдет к сердечным струнам саз дороги,
коль не тронет струн его рука твоя.
И останется цветок бутоном строгим,
не раскроется без трели соловья.

Свой родимый лес покинув, стонет жалко
одинокая нелепая сова.
Одиноко под кустом взошла фиалка...
Набок клонится тоскливо голова.

Без огня вода в котле не закипает.
На одном крыле пичуге не взлететь.
Два полена без костра вовсю пылают,
а одно и в очаге лишь будет тлеть.

Я невысказанным мучаюсь и маюсь.
Устают уста, безмолвием томясь.
Приходите же, друзья, вокруг собираясь.
Да не будет ни мгновения без вас!

Мой приют и кров на все земные сроки,
о, душа друзей, обитель, жизнь моя!
Счастлив я... не дай мне бог быть одиноким
и за граниями земного бытия!

ГОЛОВА

Американский ученый Р. Уайт провел опыт по отторжению и отдельному существованию от тела обезьяньего мозга. Во всем мире идут оживленные споры вокруг проблемы пересадки мозга.

...А мир наш удивителен!
Нельзя
тому не поражаться то и дело,
что можно почки,
сердце
иль глаза
теперь пересадить из тела в тело...

Мы для машин запчасти достаем.
Но я не удивлюсь, коль очень скоро, —
найдешь в каком-то органе своем
дефект, — дадут другой без разговора!

Ужель печалей мало у людей?
Но ведь дойдут и до такого даже:
с начинкой из готовеньких идей,
быть может, будут головы в продаже.

Такое можно осознать едва.
Все, что вокруг, недвижимое, живое, —
все в мире изменяет голова.
И головы
изменяют голову?

Возможно ль быть такому, не губя
все то, чем человеческий род гордится?
А вдруг глупец, уверовав в себя,
на голову умнейшую польстится?

О, врач! Ты в ремесле своем силен,
но замыслов таких не обнародуй.
Не рушь великий естества закон.
Не соревнуйся с матерью-природой!

Давай с тобой ее признаем власть
над слабостью и силой нашей плоти,
и ни единой не дадим пропасть
из всех ее естественных мелодий.

Представь: insult у гения. Он мертв.
И в катастрофе простачок скончался.
И кто-то его голову возьмет,
чтоб с жизнью гений наш не разлучался.

Так кто же умер?
Гений ли, простак?
По ком рыдать?
И кто воскрес, — ответьте!
По телу — гений,
но совсем не так
по голове
он после этой смерти.

Наш гений на невежду стал похож...
Кому мы врем? Чьи бережем надежды?
Как гением остаться, раз живешь
ты с головой и мыслями невежды?

Да жив ли вообще он, —
как понять?
Одной лишь плотью вряд ли жизнь измеришь.
И разве жизнь —
для жизни изменять
тому, что в голове, во что ты веришь?..

ПОПУГАЙ

Был очарован попугай
своим умением болтать,
гордился голосом своим
и речью, что людской под стать.
И он спешил себя набить
вестями новыми с утра,
чтоб было чем хозяйский слух
ему потешить в вечера.

Однажды наказал отец
сурово сына своего.
И долго думал сын в слезах,
кто выдал шалости его.
И догадался: попугай!
Болтун, каких на свете нет.
И голову ему свернул.
И тот погиб в расцвете лет.

Так грустно кончил попугай.
Он проявлял не в меру прыть,
и всею жизнью заплатил
он за уменье говорить.
Он был уменьем этим горд,
но, утверждаю, хоть на спор:
когда бы он умел молчать,
он щебетал бы до сих пор!

* * *

Как пустозвонство надоело мне!
Довольно говорить!
Хочу остаться
я с сердцем, наконец, наедине,
до потайных глубин его добраться.

Чего там только,
в этом сердце, нет!
На что поля мне,
и сады,
и горы?

Хочу я думать!
Погасите свет.
Пустые прекратите разговоры.

Сам освещу глухие тропы те,
где бродят думы,
я сегодня ночью.
О, сердце,
поразмысли в темноте,
коль разглядеть
само себя ты хочешь.
Закрыв глаза,
мы нюхаем цветы
и песню задушевную заводим...
Наедине мы с миром красоты
тогда,
когда в самих себя уходим.

Кто лжет,
что ночь — для сна,
что света нет,
и наступает мрак,
и гаснут очи?

Ночь — для того, чтобы гореть
и свет
распространять на всем пространстве ночи!

Заходит солнце, чтобы полог тьмы
наш пламень, ярко вспыхнувший, тревожил!
Спит солнце,
чтобы пробудились мы,
чтоб дух очнулся ото сна и ожил!

НЕ ХВАТАЕТ...

День ли, ночь — живу, дышу,
в книги умные гляжу,
написал немало разных книг и сам...
Но чего-то все равно
не хватает так давно
сердцу, мне и этим — в рифму — словесам.

Мы за грезами летим,
мы желаем, мы хотим,
бьемся, боремся, — ах, только б цель была!
Цели — где-то вдалеке,
а еще — на языке:
превратить никак не можем их в дела.

Нам хватает громких слов,
нам хватает сладких снов,
но не можешь вечно верить этим снам.
Коль задуматься всерьез,
дело не в полете грез:
в нас самих чего-то не хватает нам.

Самолет или корабль, —
скоростей, дороги раб,
в горы, к морю едешь, мчишь в село, и вот
неотступно мысль грызет,
что чего-то в свой черед,
что ни сделай, все равно недостает.

И чего-то в солнце мне
не хватает, и в луне,
и в движении, кружении планет.

И чего-то, как ни встань,
хоть с какого боку глянь,
в выраженьи «не хватает» тоже нет!

Но пугаться — ни к чему.
Эта формула уму —
как стрела, что намечает путь вперед.
Оттого идем, творим
и в огне страстей горим,
что чего-то нам всегда недостает.

Мир — огромный ипподром,
жизнь — большие скачки в нем.
На ступеньку поднялись — и вниз на две...
То подъем, то снова спуск,
то наполнен день, то пуст.
Вот — уроки и душе, и голове.

Чуду жизни, красоты
то бросаешь вызов ты,
то молчишь: свершилось все, о чем просил.
А уйти пора придет, —
«Воздуха недостает!» —
умирающий кричит, набравшись сил.

Вечно учимся, спешим,
но всего не совершим,
и желанная вершина далека,
и опять, в который раз
ускользает цель от нас —
не хватает нам последнего рывка.

Сколько раз, коль был провал,
ты на ком-то гнев срывал:
самого себя винить — не по душе...
А достигнута мечта —
и она уже не та,
и чего-то не хватает в ней уже.

Откипит сердечный бум,
размышляет трезвый ум,
одурманивших страстей отринув гнет:

все, как будто бы, как раз
так, как надо, нам и в нас,
но чего-то все равно недостает!

Я всю жизнь свою искал,
видел черных дней оскал,
слышал, как счастливый самый день поет.
Не нашел и не добыл.
Не остыл, однако, пыл.
Но чего же все же мне недостает?

Тайна к тайне нас ведет.
Ты развяжешь узел тот,
ну, а этот тут же сам и завязал...
И смириться бы пора,
с тем, что ныне и вчера
жизнь — счастливый ожиданием вокзал.

Не хватает — ну и пусть.
А хватало б — вот где грусть!
Пусть по жизни зазывающе ведет,
всемогущею рукой
растравляя наш покой, —
то, что нам чего-то вновь недостает.

Человек — почти что бог,
Шлет, когда всего не смог,
вызов трепетный пространствам, временам...
Лучше пусть померкнет свет,
чем понять, что больше нет
ничего, чего бы не хватало нам!

НИ ТО НИ СЕ...

«Я — из ваших, азербайджанец. Но
родного языка не знаю. Пришлите
мне учебник для изучения моего
языка».

(Из письма, присланного из Ирана¹)

На языке чужом письмо
брат дальний брату пишет.
И каждой буквою своей
оно страданьем дышит.
Хоть пеплом голову посыпл! —
тоска такая в строчках...
Но есть же у бедняги мать,
как у подобных прочих?
Мать, что научит языку,
чтоб из гнезда родного
взлетел он в небо, осенен
крылом родного слова...

Он пишет: «Я — один из вас.
Мне ваша речь — родная.
Но как мне звать собой себя,
коль я ее не знаю?»

В признание этом боль видна,
и упрекать не стану
того, чья горькая вина
напоминает рану.

¹ Почти половина населения Ирана — азербайджанцы (Южн. Азерб.).

Вина...
В ней больше — от беды
огромной человечьей...
А есть такие, что горды
забвением этой речи!
Да, тот, раскаявшийся — наш,
и я ему прощаю.
Но то, что родина простит,
никак не обещаю.
Невольно родину свою,
в том не виновный даже,
обидел этот человек
и в главном не уважил.
Своим — чужой,
чужим — не свой, —
                                так что же он такое?
Ни богу свечкой, так сказать,
ни черту кочергою
не стал...
Как вырваться ему
из чуждого предела?
Ведь он теперь —
ни то ни се, —
и в этом, видно, дело.

Чужой язык —
и есть чужой,
хоть знай его блестяще.
А свой — продавшимся сочтет,
и будет вдвое тяжче...

Он пишет: «Я теперь — иной.
Жить, как я жил — мученье.
Хочу учить язык родной.
Пришлите мне учебник!»

Учебник? Но какой в нем толк?
Нет, смысла в том не будет.
Родной язык от матерей
перенимают люди.
Ну а его родная мать
такое сотворила:
на языке своих господ

с ребенком говорила.
Вы, матери, в чужих краях
нашедшие обитель,
чем материнский ваш язык
так сильно вас обидел?
Считаете за честь —
забыть
скорей его!..
Но дети —
вас не простят
и возвратят
язык —
один на свете.

НЕ ЗАКРЫВАЙ ОКНО

Не закрывай окно!

Что о простуде
твердишь ты? Не боюсь простуды я.
Пусть мир в окно всегда открытым будет,
как и душа открытая моя.

Не закрывай окно... Весенним веет.
Как воздух чист и ясны небеса!
Открыты окна и открыты двери,
и широко распахнуты глаза.

Пусть ветер семена свои посеет
в моем жилье, в сцепленье дел и строк.
И слово жаждет свежести весенней...
Так нужен ветра вольного глоток!

Пусть ветер в глубь души моей заглянет,
зажжет огонь, подув на угольки.
Пусть гроза немыслимая грянет,
перевернув мои черновики!

За письменным столом я дни и ночи
жизнь отливаю в новые слова.
Да будет новизна дыханьем строчек!
Лишь новизной поэзия жива.

В сегодняшнем хочу увидеть завтра.
А ветер — он со мною заодно, —
пусть он вернется, сдует все, что затхло...
Любимая, не закрывай окно!

ПОТОК

Поток, ты в мой ворвался сон,
под тихий свод ночного крова.
Ты — словно сердца долгий стон,
что ищет отклика живого.

О чем ты? — силюсь я понять,
что в нем, протяжном этом стоне?
Мне днем никак тебе не внять.
Твой голос в сотнях звуков тонет.

Высокогорные дары —
в твоей бушующей стремнине.
Поток, ты — как рука горы,
протянутая вниз, к равнине.

И в день,
и в ночь,
весной,
зимой
летишь — как будто бы в сраженье.
Движенье всюду...
И в земной
коре,
и в небесах —
движенье.

Мгновенья,
месяцы,
года,
студеность вьюги,
зноя жженье,

дед —
внуки —
правнуки —
всегда,
везде, во всем оно, —
движение!

Вершу движение свое
и я...
И жизнь без поражения
из бытия —
в небытие —
и в бытие —
вершит движение!

ДОБРОЕ СЛОВО

Скажи мне слово доброе! Оно
добро во мне и в мире приумножит.
Его я оправдаю все равно,
хотя пока не заслужил, быть может.

Грядущий миг важней ста прошлых лет,
и в этом наступающем грядущем
уж лучше ложь, что, как во мгле — просвет,
чем правда, если ею веру душим.

Живем мы только раз, и жалко сил
утраченных по воле злого слова.
Сам, хоть бы раз, ты окрылен им был?
Зачем же убиваешь им другого?!

Поймал рыбешку — в море отпусти.
Пусть рыбка не поймет, — народ оценит.
У жизни себялюбцы не в чести.
Жить для других — нет благородней цели.

Сто тысяч душ поранит слово зла!
А от благого слова, вести доброй
и та душа, что черствой, злой была,
становится во всем добру подобной.

Сын человека, по-людски скажи
все, что сказать хотел, по-человечьи!
Ведь люди — мы. Достойные души,
лишь человечьи нам пристали речи.

Скажи мне слово доброе! Оно
добро во мне и в мире приумножит.
Его я оправдаю все равно,
хотя пока не заслужил, быть может.

ЭТА НОЧЬ

Ночь ожидания долга...
Почти что растянулась в год.
Надежду, как ни велика,
печаль сомнения гнетет.
О, ночь, как бесконечна ты, —
напиток из тоски живой!
И тянутся мосты мечты
через бескрайний омут твой.
А все же, что ни говори,
с моей душою и со мной
еще случиться до зари
все может в каждый миг ночной,
Вдруг вспыхнет солнце: брат придет,
не возвратившийся с войны...
А может, бомба упадет —
на нас, на цвет земной весны...
Все может быть,
все может быть...
Надежда гаснет, вновь горит.
«Есть тот, кто может обратить
гвоздь в шип»¹, — преданье говорит.
Я на плечи накинул ночь.
Одежда эта так тяжка!
Я за ночь постарел, но прочь
не хочет уходить тоска.
Все может быть,
все может быть...
Наступит ли рассвет, бог весть.

¹ Есть притча: шах приказал кузнецу к утру изготовить 70 000 гвоздей. Задача невыполнимая. Жена, увидев состояние мужа, утешает его: «Не горюй, ложись спать. Есть тот, кто превращает гвоздь в шип...». Рано утром в дверь постучал гонец и сказал, что гвозди уже не нужны, ибо шах умер, и необходимы лишь 10 шипов для того, чтобы забить крышку гроба.

«Есть тот, кто может превратить
гвоздь в шип...». Должно быть, так и есть!
Откуда я, куда иду?
Жизнь ночью мерится одной.
Никак ответа не найду,
в тоске запутавшись ночной.
А может, это — мой удел:
заря, что не придет никак?
В окне надежды луч зардел,
рассвета заменяя стяг.
И вдруг в глаза надежды — свет
из сердца хлынул, — звездный рой...
И я подумал: ночи нет,
что не беременна зарей.
И только так и может быть:
придет заря и сгинет мрак.
«Есть тот, кто может превратить
гвоздь в шип...» Да будет это так!

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Сахл Сумбат,¹
кому — кого,
и что — за что ты продал?
Будь ты один...
Но ты — микроб в истории народа.
Ты подлым духом заразил
других под небом нашим,
когда Бабека предал ты
с народом всем восставшим.
Но нам Бабек открыл глаза,
пошли его путем мы...
Увы! —
на том пути — Гамза²
и тьма сумбатов темных.

И сколько раз
из-за таких врагов святого дела
канва истории рвалась
и в пропасть все летело!

Сахл Сумбат!
Ты на пути —
измены первый камень.
Ты к меду яда примешал
нечистыми руками.
Ты чести объявил войну,
всему, чем люди живы,
повергнул целую страну
ты в плач улыбкой лживой.

¹ Сахл Сумбат — человек, предавший Бабека, предводителя народной борьбы против арабского нашествия (начало IX века).

² Гамза — изменник, предавший героя народного эпоса Кёр-оглу.

Ты — зло, как это зло ни прячь
под светом или тенью,
святого мужества палач,
коварный лик злодейства.

За похвалу и звон монет
предать мужей достойных!
Ну как,

доволен или нет?
Имеет смысл и стоит?
Хвала сплыла,
и нет монет,
и смертным был, как все, ты,
и умер...
Но остался след:
клеймо измены этой.

Спина истории горит —
к ней то клеймо пристыло! —
и о величьи говорит
всех, преданных постыдно.
Из бездны лет, издалека
падет, суть душ измерив,
и на грядущие века
тьнь серая измены.

Сахл Сумбат,
что клясть тебя?
Тебе ль не уподобясь,
твой век
считал нередко грех
предательства
за доблесть?
А ты ничтожен так и мал,
что жалко тебя даже...

Когда б никто не покупал,
то не было б продавших!

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Ну вот, пятьдесят мне...
Но в толк не возьму,
что день мой забрезжил осенний.
Подобны большому глотку одному,
они — пять десятков мгновений.

Я жил — и не знал,
как проходят года,
забывшись в работе вершимой.
Желанья бросали туда и сюда,
с вершины вели на вершину.

Вставал новый день,
наступал новый год...
Я ждал с нетерпением восхода.
Работал.
И вот уже вечер...
И вот —
как будто и не было года!

Я шел,
и мне некогда было считать
дождей, и снегов, и туманов...
«Кто к цели спешит, тот не может устать!» —
твердил я себе неустанно.

Так годы мгновеньями сделал я сам
лишь скоростью, избранной мною.
Я жил по космическим быстрым часам,
а время земное — иное...

Волненья мне жизнь продлевали,
вольны
стать всем, что бесстрашно им вверил.
Не временем жизнь, —
трепетаньем струны
горячего сердца
я мерил.

А жизнь — это море.
Мгновение — волна...
Нет волн в твоём сердце —
не нужно
их в жизни искать.
Там глуха тишина,
коль сердце твоё равнодушно.

Я жил,
ускоряя стремительный бег
волн времени,
верное средство
найдя,
чтоб продлить человеческий век...
Спасибо бниениям сердца!

Дул ветер.
Шел снег...
На ходу, на бегу
забыл я, что значит — усталость...
И так хорошо, что сказать не могу,
а сколько ещё мне осталось.

То — старец я мудрый,
то сердце теснят
порывы прекрасного детства...
За то, что — как год,
вы, мои пятьдесят, —
спасибо бниению сердца!

Я выпил их, все пятьдесят, как глоток.
Мгновенно они пролетели.
А жить — и подсчитывать их
я б не смог.
Да это ли жизнь, в самом деле?!

ПОЧЕМУ?

— Почему утром солнце восходит?
Почему гаснет звезд хороводик?
Почему спать ложатся, когда
гаснет солнца большая звезда?

— Почему море в вечном волнении,
ну, а берег молчит, тем не менее?
Почему это — роза ала,
ну а лилия — нежно бела?

— Ах, Севиндж, не спеши, моя детка.
Все вопросы поставлены метко.
Подожди, наберешься ума
и на них ты ответишь сама...

...Задавайте вопросы! На это
никогда быть не может запрета.
Ведь нужны, словно крылья, уму
эти все «почему?», «почему?»!

НОЧИ

Не спится мне ночами напролет.
Ночами, бесконечными ночами
рассвет, который медленно идет,
хочу встречать открытыми очами.

В ночи, пока еще не рассвело,
и звезды прямо в душу мне слетают,
становятся ясней добро и зло,
и сам себя, как книгу, я листаю.

Коль ночь не переполнит жажда дня,
как утру в утро отыскать ступени?
Мной эти ночи сделали меня, —
терпенья кратче, дольше нетерпенья.

ОСКОРБЛЕНИЕ

Дуршлаг,
    черпак,
        кувшин,
            казан,
тарелка,
    миска — медь резная...
В одной из европейских стран --
кому нужны они? —
        не знаю.
Кувшин,
    дуршлаг
        и афтафа¹
утилитарно не пригодны,
но каждый — как стихов строфа,
в узорах — ум и вкус народный.
Бесценной мудрости исток
сияет в бликах меди тусклой.
Являет Западу Восток
себя
в красе старинной тюркской.
И я спросил у продавца:
— Вы — турок?..
Отвечать не хочет.
Или не понял он словца?
Но тут помог мне переводчик.
Вмиг продавец подобен стал
мечу, что вынули из ножен.
И взгляд угрозой заблистал.
Он сильно оскорблен, похоже!
Чудно, —
подумал я тогда.
О, мир!

¹ Сосуд для омовения.

Чего ты хочешь?
Кто ты?
Ты перепутал навсегда
свои восторги и заботы.
Я счел,
что турок он, и вот —
прийти со зла не может в чувство!
Но, не стесняясь, продает
с доходом
тюркское искусство!

Дортмунд, 1982.

СВЕЧА

Профессор из Гельдельберга (ФРГ)
А. Алитан на прощанье подарил нам
по свече...

Вы подарили мне свечу
и радость вместе с ней.
Сказали вы: «Ваш отчий край
зовут Страной Огней.
Вот символ пламени —
свеча...
Напомнит вам меня
подарок этот.
В дар
огонь
примите, сын огня!
Вы принесли в мою страну
огонь страны своей.
Возьмите скромную свечу,
я поручаю ей
наш свет душевный донести
до вашей стороны
и узы дружбы освятить,
которой мы верны».

И в новогодний вечер я, —
вам рассказать хочу, —
зажег за праздничным столом
дареную свечу.
И этот свет украсил дом,
и мне напомнил вмиг,
как говорили мы тогда
о многом напрямик.
Горит свеча,

и плавит свет
предвзятость, холод, злость,
все, что велит людским сердцам
не вместе быть, а врозь.
И тает в душах черный, злой,
прилипчивый туман.
И тянется издалека
к руке — рука
двух стран.

Давайте же, как та свеча,
дарить друг другу свет.
Пусть будет светом наш огонь, —
не порохом, о, нет!
Пусть устыдится той свечи
любой, кто света враг.
Пусть свет пылающих сердец
навек рассеет мрак!

ГАЙД-ПАРК

В лондонском Гайд-парке каждый имеет право говорить все, что ему захочется, даже ругать правительство.

Гайд-парк!

В этом парке свободен ты, друг.

Здесь и мысли, и речи свободны.

Ты, с израненным сердцем, войди в тесный круг,
говори все, что хочешь, сегодня.

Нет запрета на правду, и даже на ложь.

Если кто-то в ней видит отраду,
все равно, не поверят ему ни на грош,
и никто ложь не выдаст за правду.

А в стране — в стороне, за оградой литой —
каждый звук — фарисейства отрав.

Только в парке господствует принцип святой,
на слова откровенные право.

Почему же для целой страны — не в чести,
лишь в Гайд-парке звучать правда может?

На словах — судия она высший почти,
но всего подсудимый — пред ложью.

Давят каждого, кто возмущаться бы стал.

А народ — раб забот вековых.

И для истины выстроены пьедестал
наглою, ловкою ложью увенчан.

А страна о свободе трубит без конца,
о правах человека... Но аду

грязной лжи предала человечьи сердца,
правду бросила в парк, за ограду!

...Выступает оратор. Свободно уста
произносят правдивое слово.
И с ударами сердца, проста и чиста,
в мир летит правда снова и снова.

Он мечту сокровенную высказал вслух, —
словно свет вспыхнул в тьме непробудной,
и возвышен словами правдивыми дух,
даже камни сняют как будто...

Как весной, парк в зеленых лужайках зимой.
Не от этой ли, полной доверья,
с нежным, вешним дыханием, правды самой
здесь растут, зеленея, деревья?

А от парка вдали стала кривдой она.
Ложь из слов сшила истине платье.
Разве правда — как пуля, как бомба, страшна?
Может быть, избегать ее хватит?

Справедливость молчит — и молчит, побежден,
голос правды, сражавшейся гордо.
Но взрывается правда и рушит закон,
что тисками сжимает ей горло.

В жажде эти тиски сохранить и сберечь,
как в тюрьме, чтоб на ложь не влияла,
разместили в Гайд-парке правдивую речь
за оградой литой из металла.

У верхушки английской она не в чести,
и порядок такой ей удобен.
...Эх, расширить бы парк и ограду снести,
чтоб весь мир стал Гайд-парку подобен!

Лондон, 30 октября 1978 г.

СТИХИ О ПОРТУГАЛИИ

1. СТИХИ НА КАМНЕ

португальский город Коимбра гордится Университетом, основанным в XVI веке. Каждый год выпускники Университета по традиции высекают на каменных плитах стихи на память и прибывают к знаменитой скале в окрестностях города.

Вот содержание одного из стихотворений:

«Если бы камень, на котором начертаны эти строки, мог ощутить, какие мечты и грезы у нас на душе, он бы расхохотался...

Если бы мог почувствовать горечь и боль, испытываемую нами, он бы зарыдал...»

Когда стихи ты начертал на камне,
смеялся горько... Знал прекрасно ты,
что все, о чем мечтает сердце, — канет,
о камень разобьются все мечты.

Ну не смешно ль? Стремился к тени сада,
а там — колючки, неприступны, злы.
И на ноги не встал еще, как надо,
а на ногах — представьте — кандалы.

Копя судьбы жестокие уроки,
смеялся ты, считая: надо жить.
Писал — и высекал на камне строки,
пытаясь камень тоже рассмешить.

Витают люди в облаках, высоко,
над пропастью меж правдой и мечтой.
Хочет камень — каменно, жестоко —
над этой человеческой тщетой.

Нет ни моста над пропастью, ни следа.
Взывают люди птицею над ней.
Им кажется: уже близка победа...
Упав, в себя приходят лишь на дне.

Мечту своими сотворив руками,
паришь во сне, и нескончаем он.
Но вот найдет коса мечты на камень —
и вдребезги разбит твой сладкий сон.

Так отчего ж мечты вверяешь камню?
Не лишне, если не пропал запал,
увидеть пропасть на пути исканий,
пока в нее еще ты не упал...

...Полет мечты, любовь — все пылью станет.
Ранним и беззащитен человек.
Он эти строки начертал на камне,
с тобой столкнувшись, камнедушный век.

Коимбра, ноябрь, 1975 г.

2. ГРАНДОЛА ВИЛА-МОРЕНА

Это название португальской рабочей провинции, известной своими революционными выступлениями. В народе родилась песня «Грандола Вила-Морена, запрещенная во времена фашистской диктатуры. Песня послужила сигналом к началу революции 25 апреля 1974 года.

Грандола Вила-Морена —
рабочая нищая глушь.
Но в годы насилия и глота —
достоинных пристанище душ.

Она собрала их, сплотила,
и все им открыла, как есть,
и нации всей защитила
болящую совесть и честь.

Грандола! Отважный предвестник
сражений за новую жизнь,
ты стала народной песней.
Лети же, вздымайся, кружись!
Ты — знамя над крышею дома,
которому имя — страна,
В час добрый,
Грандола,
Грандола!
Ты родине бедной нужна.

Твой свет будет радостно литься,
себя на просторы неся...
Провинцией стала столица,
столицей — провинция вся!
Звучишь ты — не робкое соло,
а голос судьбы и страны.
Столица надежды,
Грандола,
глаза твои света полны!

Грандола Вила-Морена!
Услышал тебя Лиссабон.
К свободе из долгого плена
рванулся с надеждою он...
А песню, что мрак поборол,
повсюду терзает запрет.
Ты — голос народа,
Грандола,
и не запретить тебя,
нет!

Ты столько смогла и сказала,
отвагой и правдой дыша.
И стекла в дворце Салазара
рассыпались в прах, дребезжа
Идет до последнего драться

любой, кто не глух и не слеп.
Грандола,
ты — радость и братство!
В руках твоих — молот и серп.

И ветер апрельский веселый
разнес революции дух.
Сердца разбудила Грандола,
и дерзкий огонь не потух.
И, будто сорвавшись с прикола,
большая страда началась...
Грандола,
Грандола,
Грандола,
веди в революцию нас!..

3. МОРЕ -- КЛАДБИЩЕ МУЖЧИН

В португальском рыбацком поселке Назари почти все мужчины гибнут в океане. Овдовевшие рыбачки ходят в черном.

— О, сеньора, мне понять бы,
отчего вы в черном платье?
Отчего так много женщин,
чей наряд таит беду?..
Молодая сеньорина,
на лице у вас кручина...
Этот траур... В чем причина?
Разве юность с ним в ладу?..

— Не одна я, все в печали,
все скорбят, не спят ночами.
В нашей стороне рыбацкой
женщин в светлом не найти.
Все мужчины с окающим —
бьются, спорят — океаном.

Мы теряем их — и плачем.
И иного нет пути.
Чтобы как-то прокормиться,
надо с грозным морем биться.
В море брат с отцом уходят,
а за ними младший сын.
А потом и самый милый
там найдет себе могилу.
Говорят у нас в народе:
море — кладбище мужчин.

Ты послушай рокот моря.
Это — панихида горя!
Не окончил жизнь в постели
ни один в Назари муж.
Жены молятся усердно:
«Море, будь же милосердно,
помоги в рыбацком деле,
не сгубив невинных душ!»

Море — хлеб насущный, море —
наша вера, наше горе.
Мы друг друга вечно кормим:
море — нас, а мы — его.
Море — слез, что льют с тоскою.
Море — кладбище мужское.
Скалы высятся надгробьем...
Все. И больше ничего.

Назари, Португалия, 1975.

ДИАЛЕКТИКА

Цветы и сорная трава
растут совместно всюду.
Нет в мире худа без добра
и нет добра без худа.

Нам время — высший судия
суд над судом творящий.
У каждой жизни — цель своя,
как у стрелы летящей.

Из сердца — мысли и дела.
Иные жизнь остудит...
А ноша веры тяжела,
но выдержишь — все будет.

Загадка — мыслей целина...
И у любого, знаю,
как у луны, есть сторона
незримая, иная.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Когда с тобой расстались, было пять.
Вокруг, казалось, закружились горы.
Я против воли уезжал опять.
Как страшен этот миг прощанья скорый!

Неслась машина в окруженье гор
со скоростью похвальной, образцовой.
О, почему не отказал мотор
под тяжестью тоски моей свинцовой!

Я — здесь, но я — и там, себе не рад.
Как объяснить такую чертовщину?
Машина мчит вперед, а мысль — назад.
О, если б кто остановил машину!

Молчит водитель. На душе темно.
В каком-то ожидании тревожном
смотрю пристрасно на пейзаж, в окно.
Там ты — за каждым камнем придорожным!

Поднес к глазам часы. Там — ровно пять.
И понимайте это, как хотите.
Застыло время? Повернуло вспять?
— Семь! — безразлично говорит водитель.

Пощупал пульс. Не слышу. Пульса нет.
И значит, в миг разлуки той постылой
застыл я сам, и замер белый свет,
и жизнь остановилась и застыла.

Со всею мощью лошадиных сил
мотор урчащий брэнной плоти хилость
в пространстве без труда переместил...
Но время для меня остановилось.

СЕМЬ СЛОВ

В твоей телеграмме
лишь семь только слов.
Я вслух прочитать их душой не готов.
Пытался...
Боялся: язык мой сгорит —
так много любое из них говорит!
Скупые слова...
А за ними стоят
другие, в длиннейший построившись ряд.
И каждое, будто птенец из гнезда,
другое зовет, неизвестно куда...
Их — стая,
огромную вижу семью
различнейших слов
за твоими семью.
Укрыты, упрятаны в сердце твоём...
Что в них?
Огорченье?
Душевный подъем?
Хочу я проникнуть
в последний их слой,
в те мысли твои,
что окутаны мглой.
Хочу я увидеть глаза,
что глядят
в твои,
твой ловя ускользающий взгляд.
Они от твоих зажжены навсегда...
Но тают они и текут, как вода.

Семь слов телеграммы...
Хочу, чтоб они
в тебя превратились.
Ты слышишь, верни
глазам моим, в миг их тоску истребя,
лицо свое,
голос...
Да просто себя.

* * *

Неужели, дорогая, ты за снежной пеленой
разглядеть весну не можешь, до весны простясь
с весной?
Сотвори душою солнце, даже глядя на луну,
и мечтой своей горячей и в снегах создай весну.
Коль весну, забыв о стуже, сердце не хранит твое,
ни в горах, ни на равнинах не отыщешь ты ее.

ТВОЙ ГОЛОС

* * *

Твой голос, телефоном измененный
слегка, твое струящееся «да»...
Я, как струна, его приемлю тоны
и в суть твою вникаю без труда.

Твой голос тихо льется, согревая
плоть слова,
все пространство утепля.
И в трепете его я прозреваю
твое лицо любимое, тебя.

Твой голос...
В нем — застенчивость и гордость,
слова его звучанием точны.
Имеет лад и склад, и цвет твой голос,
и свет по капле льет в мой дух и сны.

Слова — лишь внешний абрис, оболочка,
а голос — воздух, сердцевина фраз.
В душе моей он отпечатан прочно,
и жажду я его в который раз.

Он — как бутон,
весны цветущей вестник.
Звучит — и небо и земля слились.
Усну — его трепещущая песня
в душе соединяет даль и близь.

Он голубым, зеленым, желтым
тени
зачеркивает,
чуждые ему.
И мир в его свечение и цветенье
я вижу сквозь густеющую тьму.

Когда огонь мой теплится едва,
подуй: и сразу возгорится пламя.
Ему нужны прекрасные слова —
слова, еще не сказанные нами.
Не пресыщая, в них живет любовь.
Я никогда их слушать не устану.
И каждый день я открываю вновь
любви неиссякающую тайну.
Как много красок знает этот пыл,
как радугою чувств душа богата!
И да не занесет их скучный ил
веки: от рассвета — до заката!

* * *

Ты мне колыбельную пела любви...
Уснул я под сладкие речи твои.
И жизнь пролетела, как будто во сне,
и мигом теперь она кажется мне.
Я был подлежащим, сказуемым — ты,
а верность — припевом в той песне мечты.
От сердца, сгоревшего разом дотла,
осталась лишь серая, злая зола.
И на пепелище, не впад в забвенье,
еще сожаление тлеет мое.
Как верил я в грезах счастливых моих
всем клятвам твоим, как зависел от них!
Коль спишь, сна не вытряхнешь из головы,
во сне сновидению веришь, — увя...

УГРОЗА

Разве мира гибельная мощь
Соответствует
Его земным пределам?
Если мир
В один
Взорвется миг,
Ни «вторым» в нем не остаться
И ни «первым»!
Вы судьбой играете его,
Вы, кому — хоть страшный! — выигрыш потребен,
Но напрасно разумом людей
На земле хотите завладеть и в небе.
Не глазами смотрите на мир,
А прицельными экранами ракет вы,
Даже не увидите вы, как
Мир испепеляют огненные ветры!
Не кричите в ночь на всех волнах —
Дети тихо спать хотят
На свете этом,
Разве знают дети, что их сон
Может не продлиться до рассвета?!
Вы не нам грозите —
Всей земле,

И ее закату,
И восходу,
Слышится в угрозе этой — «Я»,
К лидерству стремленье,
К превосходству...
Слушайте,
Вы тоже человек!
В мире,
Что в любой момент готов взорваться,
Надо нам не силою своей —
Человечностью
Соревноваться!

САМОУБИЙЦЫ

Волна самоубийств среди молодежи прокатилась по Соединенным Штатам. В 1983 году 6000 молодых американцев покончили с собой, отмечает «Фольксштимме», а еще 40 тысяч сделали попытку самоубийства.

Такой-то,
      говорят,
          в году таком-то —
Об этом объявляла и печать —
Убил себя...
          Возможно, так.
                          Но только
Убийцу с жертвой надо различать.

Так
      с белым светом
          распрощаться просто?
С самим собой
      войти в такой разлад?
В самоубийстве множество вопросов,
Но самый главный — кто в нем виноват?

Мгновенна жизнь.
      Не может надивиться
На мир,
          кто доживает и до ста.
Кому дано на белый свет явиться,
Не может с ним расстаться
      так проста.

Убил себя...
Природе человека
Противоречит
результат такой.
Жестокость дней,
бесчеловечность века
Руководят
самоубийц рукой!

* * *

Опять смешались и добро, и зло,
Мир маленьким стал. Что это такое?
А дни мои влекутся тяжело
И долго длятся, полные тоскою.

Вершина — ты. Поток — я,
ангел мой.
Но что-то непонятное свершилось —
С горы в ущелье тек я,
ангел мой,
Стал течь я из ущелья — на вершину.

Я тьму ночную стрелами ресниц
Пронизываю, пробиваясь в утро.
Вернись. С моими взорами вернись,
Что ищут тебя в мире поминутно.

Мне тяжело нести свою тоску,
Но самого себя ничуть не жаль мне.
Подобен я взведенному курку,
Который ждет, чтоб на него нажали.

Опять смешались и добро, и зло.
От радости, что есть ты, мне не спится.
Любовь, как мир большая, тяжело
Лежит на несмыкаемых ресницах.

* * *

Я весь в поту.
Я болен в самом деле.
Уже подняться трудно мне с постели.
Лоб трогаю рукою то и дело —
Хочу узнать температуру тела.
Быть может,
Жар до сорока поднялся?
Где ж градусник,
Куда он подевался?..
Я, значит, понимаю меньше ртути?
Но градусник изобрели мы, люди!..
Умнее нас изобретенья наши —
Не обойтись без градусника даже.

ЗАПОВЕДНИКИ

Трах-таррах! —
Раздается в горах.
Трах-таррах! —
Раздается в полях.
От выстрелов этих, гремящих неожиданно,
В горах —
Ни джейрана.
В полях —
Ни фазана.

Понять не могу,
Что за страсть в человеке —
Губить,
Что дарят нам и горы, и реки?
И в чем удовольствие —
Сбить с высоты
Частицу летящей
Живой красоты?

Послушай,
Тебе никогда не простится
Твоя ненасытно-преступная страсть,
Не в зверя ты целишь,
Стреляешь не в птицу,
Ты в сердце природы стремишься попасть!

Марала, что царственно носит корону
Рогов,
Караулит повсюду беда,
Стреляют в него, не жалея патронов,
Врагом его стала
Его красота!

Ученые люди
Потратили годы
На многотомные книги-труды,
Чтоб из ушей своих мать-природа
Не потеряла серег красоты.
Есть заповедники,
«Красная книга»,
Птиц и зверей охраняем в стране.
В скалах,
Где было и пусто, и тихо,
Снова
Кричат турачи по весне.

Древний турач наш
Под нашей охраной.
Да не уйдет красота с наших гор!
Тот, кто крадется по следу джейрана,
Перед законом предстанет, как вор...

Люди
Зверей сберегли, сохранили
В лучших краях заповедной земли...
Но есть
Для людей «заповедники» в мире,
Где целые нации
Гибель нашли.

В стране,
Где свобода рекламно воспета,
Сгоняются — вымерли чтобы скорей —
Народы
Во мрак резерваций и гетто,
Где люди
Завидуют доле зверей.

Крича
О свободе своей всему свету,
Свободу хоронят под ворохом слов.

И нет
На своей же земле человеку
Земли,
Где не чувствовал он бы оков.

Нельзя палачу надрываться от крику.
Нельзя
О «правах человека» вопить,
Когда на земле своей
В «Красную книгу»
Свободных людей
Пора заносить.

ОРЕЛ

Икрату Абдуллаеву

Охотник
Прицельное пламя ствола
Навел на парящего в небе орла...
Стрелок не жалел о содеянном зле,
Когда оказался орел на земле.

И видел все это чабан издали.
К орлу подбежал он
И поднял с земли
Несчастную птицу.
Орел еще жил,
И горным бальзамом чабан обложил,
Целебными травами раны крыла.
И слезы блеснули в глазах у орла.

Охотник спустился с горы к чабану.
Не чувствовал он никакой вину,
Он горд был,
Как будто победой в бою,
И требовал птицу — добычу свою.
Набросился гневно чабан на него,
Поднялся скандал — не понять ничего...
Орел, удивленно взирая на них,
Казалось,
Почувствовал что-то,
Постиг.
Постиг не как люди,
Сомнений полны,
А кратко и ясно, как могут орлы:

«Единый характер и лик у орлов,
Друзей они знают и знают врагов.
Но разнятся люди душою своей,
Различны дела и поступки людей.
Один меня выстрелом наземь свалил,
Другой мне на раны бальзам наложил.
И это, видать, не понять мне вовек:
Стрелок — человек, и чабан — человек»...

СЛЕЗЫ

Врачу Дж. Бабаеву.

У шаха — пир.
Из дорогих кувшинов
По чашам слуги разливают вина.
В какой уже их наполняют раз?
Рубаб звенит, не умолкает саз.
Шах возлежит на шелковых подушках,
И свита перед ним стоит послушно.

У шаха — пир.
Играют и поют,
И танцевать перед ним не устают...
Но вот он оглядел веселья круг
И произнес,
Пир обрывая вдруг:

— Довольно!
Я устал от ваших песен.
Тосклив и саз ваш, и рубаб невесел.
Ценитель
Пенья истинного я, —
Послушаем давайте соловья. —

И все на клетку устремили взоры.
Но соловей молчал.
И шах — сурово:
— Ты должен пеньем пир наш увенчать! —
Но продолжает соловей молчать.
— Повелеваю, пой! —
Воскликнул шах.
И обуял его придворных страх —
Не выполняет соловей приказа.
Все всполошились, зашептали разом:

«Пой, соловей,
Владыка ведь велит!
Ты, может, позабыл, как он велик?
Ему подвластны и моря, и горы,
И меч его карает непокорных...»

Но все напрасно.
Соловей не пел.
От злости шах зубами закрипел,
Поднялся шах,
И грозен, и велик,
И меч свой обнажил...

Но в этот миг,
Какою-то бедой поражена,
Пред ним явилась старшая жена.
— Мой шах,
Наш дом постигла божья кара, —
Сказала так она —
И зарыдала.
— Да что случилось?
— Заболела дочь,
Не в силах лучший лекарь ей помочь.
— Как? Дочь моя? Да что же с ней такое? —
И шах вознесся
В верхние покои.
Веселье ледяной водой облито,
Поникли слуги
И взмолилась свита:
— Спаси дитя,
Могущество аллаха, —
Не отнимай
Цветок души у шаха!

Шах
Снова появился...
Все молчит...
Печаль и боль
Его являет вид.
И обратил невольно взор он скорбный.
На клетку, где певец был непокорный,
И руки опустил пред ним бессильно...
И в этот миг
Вдруг трелью соловьиной.

Наполнился притихнувший дворец —
Запел
Молчавший до сих пор певец!
Нет, он не пел,
Он души обжигал!
Рыдал он
И молил,
И утешал.
Он самым горьким
Волю дал слезам,
Но плач его
Был для души — бальзам.
Звезда сверкнула в бездне темноты.
Роса легла на знойные цветы...

И опустились головы на груди,
Рабы, вельможи
Снова стали — люди.
И слез своих не прятал гордый шах,
И скорбная воспрянула душа...
Смолк соловей.
Шах подошел к нему,
Спросил его:
— Не пел ты почему,
Когда тебе велел я?
А сейчас
Ты сам запел
И душу мне потряс...

Властителю ответил соловей:
— Тогда ты приказал душе моей,
А песнь рождается,
Властитель мой,
Лишь по велению души одной.
Сердца по принуждению не поют,
Постичь ты должен истину сию!
Когда ты весть о дочке услышал,
Не шахом ты,
А человеком стал...
Ты раньше ждал, горя от нетерпенья
От песни моей только наслажденья!

Теперь ты, шах,
Души моей стенанья

Услышать смог без всяких приказаний.
Твой взор печальным и несчастным был,
И душу мою он воспламенил.
И о своей я вспомнил поневоле
И боли, и печали, и неволе,
И изо всех я соловьиных сил
Свою тоску и жизни боль излил...

Опять владыка слез своих не скрыл.
Он плакал, —
Книгу жизни он открыл.
— Я понял твою душу, соловей.
Так изъяви желанье поскорей,
И я не пожалею ничего
Из всех сокровищ клада своего. —
И соловей сказал:
— Великий шах,
Не надо ни сокровищ мне, ни благ.
Что я хотел,
Уже я взял с тебя.
— Взял?
— Да... Послушай, такова судьба
У всех творцов, — зачем ему богатство,
Когда у него собственное царство
В душе,
И умещаются в него
И пиршество свое, и торжество,
Своя печаль в нем, и своя отрада...
Мне слезы твои —
Высшая награда.

ИСКАНИЯ

— Иса!
— Ишу!
— Муса!
— Ишу!
Иса-Муса,*
Ночные птицы,
Ищут что-то до зарницы.
Ночь от ночи,
Как ягнят,
Тайны темные таят.
Превращается в вопросы
Ночь,
Пока не лягут росы.
Вечно в поиске,
В пути,
Ищут, ищут —
Не найти...

Вечно
В мире поиск длится.
Даже клушка копошится,
Что-то ищет целый день,
Разгребая свою тень...

Наши прадеды и деды,
На крутых скользя путях,
Шли, не зная правды следа,
Шли в железных башмаках.**

* Иса-Муса — козодой. Птицы эти перекликаются по ночам протяжно-печальными голосами. По народному поверью, это братья, превратившиеся в птиц, ищущие потерявшееся стадо.

** В азербайджанских сказках люди отправляются на поиски правды, обувшись в железные башмаки.

От беды и горя седы,
Что искали наши деды?

Взял от них, видать, я с детства
Жажду поиска
В наследство.

Поиск мой —
Мое томленье.
Где же
Жажды утоленье?..

Снова я ищу и снова,
Что невидимо совсем.
И единственное слово,
Что не сказано никем.

Я в очах прозреть пытаюсь
Душу,
Чувства огонек.
Книгу мудрости листаю —
Почерпнуть благой урок...
Я искал
Исток желаний,
В суть и дум,
И дел вникал.
Дни терял я —
Дух исканий
Уводил меня в века.
День сегодняшний отвергнув,
Весь я —
Завтрашнему верный...

Мир наш — поиска арена.
Кто-то
Ищет в мире клад,
Кто-то
Мысли сокровенной —
Только ею он богат.

Только мыслей клад
Бесценен,
Только мысль
Ведет вперед...
Будь вовек благословенен
Тот,
Кто истину найдет!

ЛЕГЕНДА О СОКРАТЕ

Устраивала
    скачки ложь
На правде,
    жертвой ставшей...
«Вот Истина», —
    Сократ сказал,
Всю жизнь
Ее искавший...
Ему твердили:
«Тот, кто свет
Прольет в извечном мраке,
Не истину,
А смерть найдет, —
Жди казни
В смертном страхе!»
Сократ ответил:
«Что есть смерть?
На вид она какая?
Познать бы надо мне ее —
Хорошая, плохая?
Обязан каждый знать,
Зачем
Живет и умирает.
Лишь Убежденье
На земле
Жизнь нашу продлевает.
Позорно —
Жизнью дорожить,
От Правды отрекаясь.
Уж лучше — смерть,
Хоть не узнать,
На вид она какая?

Вершина жизни нашей —
Смерть.
С вершин виднее правда
Всей жизни...»
Так сказал Сократ,
И выпил чашу яда...
Он истины провидел свет
Во мраке раболепия,
И, шестьдесят проживши лет,
Ушел в тысячелетья.
Всю жизнь
Он стрелы мыслей слал,
В ложь
Из бойницы метя.
И жизнь
Он истине дал
Самой своею смертью.

КОГДА ИДЕШЬ НА СМЕРТЬ

Памяти Сиггатул-Ислама*

Всю жизнь взывал к отчизне,
К несчастному народу:
«Проснитесь и восстаньте,
Сражайтесь за свободу!»

И вся страна проснулась,
И вся страна восстала,
И поклялась мечом она,
Что сбросит гнет пришельцев,
И обретет свободу
Во что бы то ни стало!..

Сражались, побеждая.
Сражались, погибая.
И были громом пушек,
Огнем усмирены...
Но вождь не покорился,
Укрылся в крепость Арк он
С немногими, что были
Ему еще верны.
И долго он сражался,
И долго оставался
Не сломленным и грозным
Для недругов своих.
При жизни стал легендой
И гордостью народа...
Но выбился из сил он,
И враг ворвался в крепость,

И, словно льва в пещере,
Бессильного
Настиг...
И люди, что забыли,
Где зло, а где добро их,
Привыкшие, как благо,
Нести свое ярмо,
«Врагом» его назвали,
И, как злодея, стали
Они судить его.

Сказали:
Нам принес ты
Тьму бедствий и страданий,
Отчизну уронил ты
В глазах опекуна...
Ты множеством людей
Пожертвовал тщеславно,
Такому палачу
И смерти даже мало,
Хоть ждет ее страна!..

И твердым,
Гордым шагом
Герой на эшафот шел,
Хоть был
И стар,
И слаб.
Он шел непокоренным,
Он шел, как победитель,
Шел Сиггатул-Ислам.
Лишь на мгновенье
Замер,
Когда перед глазами
Увидел он весенний
Пылающий цветок.
На миг
Он шаг замедлил...
Цветок,
Как символ жизни,
Он обошел,
Вступая
На смертный свой порог.

* Сиггатул-Ислам — один из героев демократического движения в Иране в IX в.

ОРДЕН УЛЫБКИ

В Польше существует «Орден Улыбки».

«Орден Улыбки»!
Узнал я, не скрою,
С большим удивленьем,
Что есть такой орден.
«Орден Улыбки» дают не герою
В труде и науке,
Искусстве и спорте...
Долг твой первейший —
Быть человеком.
Смотря на сиянье
Весенних цветов —
Светом,
Подобно сиреневым веткам,
Сияй из души, из поступков и слов.
Ненависть, зло — недостойны участия.
Камня в чужой огород не кидай!
Грех — разрушать чье-то сердце и счастье,
В грех этот самый большой
Не впадай...
В мире живи
Не пугливой улиткой —
Даже в ненастье улыбчивым будь!
Тем, кто людей согревает улыбкой,
Вешают «Орден Улыбки» на грудь.

* * *

Мы говорим:
«Ритм жизни изменился,
А значит, изменился человек...»
И вместе с нами век заторопился,
Стремительно наращивая бег.

Мы за мечтою в самолетном шуме
Летим,
Торопим скорость поездов.
Поменьше сроков ищем для раздумий,
Для объяснений — покороче слов.

У времени мы время урываем,
Куда-то устремляемся, спеша.
В такси,

в метро,

и даже на трамвае
В грядущее торопится душа...
Но вечно поспешая, отчего же
Куда-то мы опаздываем все же?

Земля и небо при любой погоде
Свой облик сохраняют без прикрас.
И потому-то в бешеной погоне
Природа не поддерживает нас.

В свой срок,
Не зная спешки-нетерпенья,
Цветок сияет, созревает плод,
И, не меняя вечного движенья,
Обходит солнце вечный небосвод.

* * *

Идеей большой человек загорится —
И заново
Сам в этом мире творится.
Великой идеи разбуженный зовом,
Рождается с новым
И делом, и словом.
И только на стадии самотворенья
Становится личностью он
И явлением.

* * *

Я — дерево ветвистое.
Земля мне стала родиной.
Плоды — мое грядущее,
Листва — мой звон сегодняшний.
А прошлое — в моих корнях.
Я вырос на своем корню,
Сегодня в завтрашний свой день
Я из вчерашнего смотрю.
Я — дерево ветвистое.
Земле родимой верен я.
Густой шатер листвы моей
Наполнен шумом времени...

ЧЕСТЬ

Ты кончил школу.
Книг прочел ты много,
Вершины знаний смог ты покорить,
Ты образован, ну и слава богу,
Что можешь обо всем поговорить.
Но не бахвалься.
Да, ты знаешь много,
А что ты знаешь о себе самом?
Не позабыл ли отчего порога,
Что знаешь ты о прадеде своем?
Да, ты освоил гениев создания,
Но почему способен ты на лесть
Пред званием чужим?
Пусть прежде знания
Достоинство живет в тебе и честь.
Ты можешь одолеть вершины знаний,
Ты через труд упорный к ним придешь,
Но честь,
Коль не родится она с нами,
Как ни старайся — не приобретешь.
А честь нужна тебе не в меньшей мере,
Ведь без нее и в знаниях пользы нет.
Живет она не в слове и манере,
У чести внешних не ищи примет.
Ее нельзя надеть с рубашкой вместе,
В поступках чести — честь.
В крови твоей.
Но сетующих на нехватку чести,
Я не встречал, наверное, людей.

Прибор бы нам изобрести неплохо,
Прибор бы этот пригодился всем
Для измерения — мало или много
В нас чести, или нет ее совсем.
Все на свои места тогда бы встали,
И многие,
А их немало есть,
Не хвастались высокими постами,
За дверью оставляя свою честь.

* * *

Я возрастал на собственных ошибках,
Порой свой след терял я на вершинах,
В тумане сам себя не узнавал,
И заново себя я создавал.
Я убивал себя своей ошибкой,
И сам собою восставал с улыбкой.

И, может быть, вся мощь моя — в уменье
Признать свои ошибки без сомненья.
И разговор о них с самим собой
Всегда вести открытый и прямой.

* * *

Есть имена...
Одни, как гири,
Для нашей матери-земли,
Они мешают ей!
Другие —
Ее вращенью помогли.

Одно Истории грозило,
Не погубив ее едва.
В другом
Была такая сила,
Что им —
История жива!

* * *

— Хочу я сказки!
В следующий раз, —
Сказала ты, — я жду ее рассказа...
Любимая! Волшебным светом глаз,
Всем обликом своим — сама ты сказка.

Ты та, которую похитил див,
И как теперь — мне путь к нему неведом —
Спасти тебя, из плена возвратив?
Ведь не могу я стать Мелик-Мамедом!*

Ты победишь и ненависть, и злость
Свеченьем нежности своей...
Твой свет — божествен!
В лице твоём, в сиянии волос
Обрел я сказку ту, что слышал в детстве.

Хотел бы время повернуть я вспять,
Весны твоей вернуть цветы и небо,
Из мира суетных забот
опять
Тебя в мир сказки унести волшебной.

Но ничего нельзя нам возвратить,
Пора уже расстаться с чудесами.
И сказку жизни нашей сотворить
Должны мы сами, дорогая, сами!

---

* Мелик-Мамед — герой азербайджанских народных сказок.

* * *

Боже, боже, кто я есть?
Кто подаст
Об этом весть?
Что он значит — дней конец?
В чем начала жизни сила?
Коль земля ее творец,
Что земли началом было?
Где, когда обрел исток
Бесконечности поток?
И зачем смешалось в нем
Бытие с небытием?
Что — их смены постоянство?
Время — что?
И что — пространство?
В необъятности какой
Затерялся мир земной?
Что мой разум человеческий
Перед бездной этой млечной?
Почему неутомимо
Он зовет к познанию мира,
В недоступное манит,
Куда звук не долетит?
Что за вечное стремленье,
Что за жажда жить,
Творить,
Непонятные явления
Разгадать и объяснить?
Что есть это?
Что есть то?
Наконец,
Что это — «что»?

* * *

Давай проникнем в бытие земное,
Любовь все тайны мира озарит.
Граница есть между землей и морем,
Меж днем и ночью есть рубеж зарн.

Начало одного — конец другого,
Постигнуть это нам легко суметь.
Но где найти нам мудреца такого,
Кто объяснит, что делит жизнь и смерть?

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Я, которого видишь ты, вовсе не я,
Подлинный я не виден чужому взору.
Сам затерялся я в суете бытия.
Хочешь увидеть меня — поднимись на гору.

Я — кто невидимо мысль лелеет одну,
Им ненавидимо «Я», что шумит на виду.
Я не из тех, кто возникает везде,
Я не из тех, кто сразу встречается в ссору,
Я,

когда я настоящий,
из тех,

Кто не внимает обидному вздору.
Я исчезаю, других за что-то кляня,
Я появляюсь, себя одного виня.

Если я в гневе за рамки свои выхожу,
Значит другому «я» уступил я место.
Если невеже в ответ ничего не скажу,
«Я» победило, которое мне лишь известно.

Я — кто в искусстве многое может посметь,
Я — кто бывает самым смиренным на свете.
Это не я, кого настигает смерть,
Я — это тот, кто живет после смерти.

ОТТЕНКИ

Я в юности,
    с душой еще незрелой,
Во всем, казалось, разбирался смело.
Тогда легко я выносил сужденья
И принимал немедленно решения:
«Вот это — хорошо, а это — плохо».
Я сразу видел доброго и злого,
И очень часто истину притом
Я разбивал легко, как молотком.
Под ясными, как юность, небесами
Я не метался между полюсами...
И мир,
    хотя он многоцветным был,
На «черное» и «белое» делил...
Сегодня я
Решаюсь осторожно
Судить о том, что правда,
А что ложно,
И на земле
    перед добром и злом
Не ставлю я теперь вопрос ребром,
Но, «черное» и «белое» встречая,
В них многие оттенки различаю.
Все, что на разных было полюсах,
Сближается порой в моих глазах.
Я потерял меж ними четкость граней,
Я отказался от суждений крайних,
И сам теперь я думаю в сомненье —
Утрата это?
Иль приобретение?..

ГОРЬКАЯ ЖАЛОБА

Где ты, мама?
    С тоскою сыновней
Я сегодня зову тебя вновь.
Как младенец, хотел бы я снова
Быть в твою запеленат любовь.
Я, изведавший славы сиянье,
В твоём теплом нуждаюсь дыханье.

Я дорогу теряю в тумане.
День пылает мой, сердце слепа.
В снах,
    где жизни разрушены грани,
Мама, я призываю тебя...
Что с того, что я сед головою? —
Я хочу быть обласкан тобою.

Осени меня светлой рукою,
Охрани от печалей и бед.
Снова в детство я двери открою,
Где сияет твой ласковый свет.

Мне родные мои не помогут,
Не спасут от незримой беды,
Мои тайные боли не могут
Они видеть, как видела ты.

Появись, успокой мою душу
Тихой лаской своею, без слов.
Пусть все тайное выйдет наружу,
Укажи мне друзей и врагов.

Ты и в небытие существуешь,
Ты мне мир в этом мире даруешь.

В твоём имени — светлая сила,
Что спасает от бед и потерь...
Той любви, что ты сердцу дарила,
От детей ожидаю теперь.

С горькой жалобой я им прощаю,
Так устроено в судьбах земных —
Ласку дети не мне возвращают,
На детей обращают своих.

* * *

В сердце — тысяча желаний,
Мысль
Одна волнует грудь.
К одному я шел желанью,
Но раздвоился мой путь.

И стою я на распутье,
Все раздвоилось в глазах.
Я ни белым стал, ни черным, —
Посерел, как небеса.

«Нет», — желанию сказал я.
Сердце смолкло, не восстав.
Поумнело мое сердце,
Но мой ум смелей не стал.

* * *

В горенье — жизнь.
И должен ты гореть,
И смысл жизни видеть только в этом.
Свеча,
и та не может умереть,
Пока горит и пламенеет светом.

РАССВЕТ

Рассвет
лучами первыми
из мглы
Уже вершин высвечивает выси...
Какие он распутает узлы,
Какие
в сердце
высвободит мысли?

Рождение солнца...
Лишь ему дано
Все в мире этом снова сделать ясным.
Как грустно
заходящее оно,
Как
восходящее оно прекрасно!

Рождение солнца!
Рукопашный бой
Лучей рассвета
с уходящей тенью.
Явление вселенной голубой,
Мечтаний сокровенное рождение...

Свет — наступленье на печалей тьму...
Пусть светом день мой озарится новый,
И новое
даст веку моему
И времени,
и миру мое слово.

Прекрасный и величественный час —
Всего живого в мире пробужденье,
И новыми глазами каждый раз
Я вижу мира новое рождение!

БУКВАРЬ

*50-летию педагогической деятельности
старейшего учителя А. Г. Гусейнова*

Букварь!..

Его за пятьдесят годов
Открыл не пятьдесят ли тысяч раз
Для тех ты,
кто был свет его готов
Впитать всей жаждой любопытных глаз.

Ты с книгой этой,
первою для всех,
Встал в первый раз когда-то так давно...
Кто сосчитает, сколько было тех,
Кому открыл ты в знания окно?!

Ты загорись счастьем и сейчас,
И распрямишься вопреки годам,
Когда дитя отчизны
в первый раз
«Ма... Ма-ма» — прочитает по складам.

В руке твоей крошился белый мел,
И пыль его на волосы легла.
И многих книгой этою сумел
Ты на большие вывести дела.

Великий труд — по букварю учить,
Я вижу это по судьбе твоей.
И, может, для того и стоит жить —
Перо вложить в ручонки малышей.

Букварь!

Весны вечнозеленый пир,
Где нет ни туч, ни стужи января.
Дорог,
что нас ведут в познания мир,
Начало на страницах букваря.

Учитель! Твоя участь велика!
Ты разум окрыляешь и растишь.
Из родника родного языка
Ты будущее Родины поишь.

На резчика по камню погляди,
Не легкое он выбрал из искусств,
Но ваши не труднее ли пути,
Ваятели сознания и чувств?!

Открыть совершил ученый,
но

И в этом капли пота твоего.
Пускай творить тебе и не дано, —
Ученого ты создал самого.

Ты азбуку твердить давно привык,
Но все-таки душою не поблёл,
Хоть дедом стал твой первый ученик,
А внук его — спешит на твой урок...

БАБУШКИ

Вы в своем терпении — скалою
Нерушимой
                    кажетесь нам, бабушки.
Вспоминая вовремя бывшее,
Верный путь укажете нам, бабушки.

Позже — лечь, пораньше — встать умеете.
В руки свои все берете, бабушки.
За внучат своих, кого лелеете,
Взрослым уши надерете, бабушки.

Не одно взрастили поколение,
Кажется, одни и те же бабушки.
Запах полей душистых веянье,
Лаваша, лепешек свежих — бабушки.

Корни вы с побегами-внучатами...
Как вы стали бабушками, бабушки?!
С песенной душою непочатою,
С ладушками-складушками, бабушки...

«МОЖЕТ БЫТЬ...»

От «может быть» я ничего не жду,
Оно меж «да» и «нет» личины множит.
Лишь ложь и правда в мире на виду,
А полуправда, полуложь — «быть может».

У «может быть» нет своего лица,
И сущность его —

                    скользящая, как змейка.
В нем ни начала нету, ни конца —
Для полудела хитрая лазейка.

В нем — веры бесконечное блужданье,
В нем — тусклое надежды ожиданье,
Намек на встречу

                    и на расставанье,
На все, что может
                    и не может быть.

Мне ненавистно вечное сомненье,
Люблю любое дело — в исполнение,
В созревших гроздьях — жажды утоленья,
А в ягодах зеленых — «может быть».

Не тешится пусть тем, что видит в снах он,
Тот, кто мечты свои развеял прахом,
Кто «да» иль «нет»
                    не говорит без страха,
А мямлит малодушно:
                    «может быть...»

За веру — жизнь я смело положу,
За крылья те, что с нею — положу.
За жизнь — все, что имею, положу.
Ни жизнь, ни смерть
                    не знают «может быть...»

ТЕНИ

(дипломатам лжи)

Вы овладели слов хитросплетеньем.
Блестят слова,
    как пуговицы лжи —
Одежды вашей —
    под которой тени
Для нас закрытой наглухо души.
И тени ваши,
    выходя наружу
(Пока ваш сонм о мире говорит),
Все на земле,
    где только могут,
    рушат —
Гренада в пепле,
    и Ливан горит...
И тени ваши низвергают пламя
На землю
    и на камни мирных стран...
За «добрыми»
    красивыми словами
Безжалостный скрывается обман.
Огня и крови
    жаждут ваши тени,
Для нового оружия
    новых баз.
Они полны
    чудовищных видений,
Хоть не имеют
    ни души, ни глаз.
Они весь мир хотят наполнить страхом
И все добро его
    свести на нет.
Рожденные ночным
    могильным мраком,
Они кричат,
    что излучают свет.

МЫ — ТВОЯ ЧАСТИЦА

Устали мы,
    остановись, машина!
Нельзя так долго
    по земле — на шинах.
С утра мы едем этими краями,
Наверно, и машина вместе с нами
Устала...
    Сколько можно колесить?!
Ногами надо землю ощутить...

Вращаются колеса наши снова,
Давай,
    машина,
    скорость набирай!
Вращаются колеса —
    с легким звоном
Они уносят нас из края в край...

Издалеку нам кажется —
    дороги,
Как бусинки, висят на шеях гор...
К родным горам
    мы снова путь торопим,
Мы на широкий вырвались простор!

Из города мы вырвались,
    где люди
И словом
    сердце ранят,
    как свинцом.

Когда от ран
    не заживают груди,
К горам
    мы обращаемся лицом.
Когда заботы
    нас берут за горло,
Когда вопросов
    возникают тьмы,
Когда в тупик нас загоняет город,
Спасенья у природы ищем мы.

Мерцанием росы своей рассветной,
Она зовет: «Иди ко мне, как друг!»
Полей и гор нас окружают ветры,
Врачующие наш болящий дух.

Всю жизнь хлопочет человек,
    стремится
Между людьми на видном месте быть...
Гляжу в открытый
    чистый взор нарцисса,
Чтоб лицемерный чей-то взгляд забыть.

Смотрю на зеленеющие склоны,
Смотрю на голубые небеса,
Чтобы оскал
    не помнить чей-то злобный
И чьи-то леденящие глаза.

Меня зовут незыблемые скалы
Забыть про камни на дорогах дней,
А гордых гор заоблачные главы —
Про головы склоненные людей.

Природа-мать,
    с твоим сияньем слиться
Хотел бы я и мыслью, и душой,
Ведь изначально я — твоя частица,
Природа-мать,
    едины мы с тобой!

Усталый дух мой успокой без слова,
Улыбке величавой научи.
Как ты,
    людей чиста первооснова,
Чисты младенцы, как твои ручьи...

Цветы и травы, ветра дуновенье
Как будто шепчут нам, лаская слух:
«Остановите вечное движенье,
Идите к нам,
    мы исцелим ваш дух»...

Уже в горах дорогой неустанной
Мы едем... Души — в синеве небес...
Чем ближе мы к природе первозданной,
Тем ближе, ближе мы к самим себе.

Наверное, поют в ущельях птицы,
Но шум мотора не осилить им.
И на луга, на маки и нарциссы
Сквозь стекла
    из машинны мы глядим.

Хотя давно душой мы на свободе,
Но неподвижны
    на местах своих.
Подумать только,
    по родной природе
Мы движемся в коробках жестяных!

Коробки эти нам тела сковали,
Стеснили и сердца, и кругозор.
Они защиту от дождя нам дали,
Но отнимают чистый воздух гор...

Мы в городе
    выходим за порог,
Туда, где ветра и прибоя царство,

«Принять»
морского воздуха глоток,
Который нам прописан, как лекарство.

Давай же выйдем,
выпрямляя спины,
Избавимся от запаха бензина.
Цветов насобираем в вешних долах,
Чтобы забыть про привкус валидола...

Мы в кабинетах гениев читаем,
В чащобах книг живем по многу дней,
Отложим их на время,
полистаем
Страницы шелестящие полей.

Нас утомили горные дороги,
Что тянутся, петляя, в вышину.
Гляди —
в их петлях
гордых гор отроги,
Седые горы
у дорог в плену!

И головы склонили перед ними...
И каждый склон селеньями оброс...
Шофер сигналил...
И опять в пути мы,
И вместо ног — вращение колес.

Отняв у тела своего движенье,
Мы держим мозг и сердце в напряженье.
Они всегда опережают нас,
И отдыха не знают ни на час.
Они отдельные
словно бы
от тела,
Утратившего жизни своей акт,
Вот почему сегодня то и дело

Звучит:
«инсульт»,
«давление»,
«инфаркт»...

Выходим из машины,
улыбаясь
Земле и небу,
светлой вышине,
И замирает сердце,
удивляясь
Великой
необъятной тишине!

Как воздух чист
в краю высокогорном!
Он все недуги
вмиг излечит нам...
Баку — отрада наша, наша гордосць,
Но как нам воздух этот
нужен там!

Здесь все в покое
и в сиянье дивном,
Здесь морем счастья дышит мир земной.
Здесь — ни пылинки радиоактивной...
Как — радиоактивной?
Что со мной?!

Дыханье мне в груди перехватило,
И думу мою, верную горам,
Вдруг унесло какой-то тайной силой
В Гренландию:
«нашли ли бомбу там?..»¹

Все настроенье наше,
как с обрыва,
От этого вопроса сорвалось.

---

¹ Пролетая над Гренландией, американский военный самолет «уронил» бомбу с ядерным зарядом.

В глазах,
как отблеск атомного взрыва,
Сиянье маков сразу поднялось.

И черным стало все, что было белым,
Тревогою повеял каждый склон...
Да, воздух чист в горах,
но что нам делать,
Когда отравлен
в душах наших он?!

РАССТАЛИСЬ НА УЛИЦЕ...

«Поставим точку!
Хватит,
Я устала...» —
Так ты,
Садясь в автобус,
Мне сказала...

А я остался.
Я стоял на месте...
Остановилось время,
Мне казалось...
Остановилось?
Нет,
С тобою вместе
В автобусе стремительно умчалось!

Что это?
Что со мной?
Как будто ноги
Теряют землю,
А рассудок — мысль.
Как будто ускользают все дороги...
И черный прах
Там, где сияла высь.

Пошли обратно стрелки часовые.
Я не могу понять — который час?..
Дома другие, улицы — кривые...
Как будто все
Перевернулось враз!
Не узнаю ни города,
Ни мира я..
Пронесся смерч,
Все руша и дробя...

На улице
С потерей тебя, милая,
Вмиг потерял я самого себя.

И облака, и звезды закружили...
Как карусель, кружит меня беда...
Что, если не на улице,
А в жизни
Тебя я потеряю,
Что тогда?!

* * *

О, песня, твоей благодарен я силе!
Меня твои ритмы зажгли, воскресили,
В глубинах души я отверг суету,
И цельность обрел, и набрал высоту.
В себя погружаясь, я стал невесом —
Над миром лечу, твоей волей несом.

Так пой, моя радость, и светом своим
Питай мое сердце, покуда парим!
Мечту окрыляй и мечтой становись,
Чтоб нам не разбиться о горную высь.
О, как же прекрасны земные края,
Но только умолкнешь, родная моя,
Увижу я будничный, каменный лик
Жестокого мира, чей холод велик.

Так пой, не смолкая! От счастья в слезах
Сейчас мы с тобой — на седьмых небесах!
Как трудно достичь высоты!.. Но трудней,
Гораздо трудней — расставание с ней,
Мое расставание с ней и с тобой.
Ты — песня, ты все понимаешь — так пой!

* * *

Единственное средство от горького старенья —
Лишь мужество и мудрость высокого смиренья.
Со всем, что так противно нам в годы молодые,
Смирись, придя под своды холодные, седые,
Ты должен примириться
С сердечными болями,
С медлительной походкой.
И даже с костылями.
И с челюстью вставною
Ты должен примириться.
И с немощью главною
Ты должен примириться.
С болезнями одними,
С болезнями другими...
И с мыслями о смерти —
И с ними, даже с ними!
Мое стихотворенье перечисляет скупю
Все то, что будет с каждым...
И обижаться — глупо!
Единственное средство от горького старенья —
Лишь мужество и мудрость высокого смиренья.

Но есть такие старцы, что вечно молодятся,
Как в цирке, суетятся...
Они смешней паяца!
Их мужество и мудрость я ставлю под сомненье,
Им просто не под силу высокое смиренья.
Не будь смешон, приятель!
Ведь время — наш ваятель...
Смирись, не будь смешнее, чем клоун на арене.

* * *

До небесных высот я дошел, чтоб тебя обрести.
А действительность немилосердно тянула назад.
Землю с этих высот я объемлю теперь.

И учти —

Если ты вырастаешь стократно, я — мельче стократ.

Я к тебе устремляюсь, а ты на крылах-парусах
От меня улетаешь, ныряя в бездонный поток.
На такой глубине обитаешь в седьмых небесах,
Чтобы я до тебя никогда дотянуться не мог.

Безоглядно стремиться!

Как свет, возноситься!

И не

Достигать.

Не исчерпывать тайны глубокую синь!

В этом, в этом — бессмертье любви,

В голубой вышине,

В чистоте,

Окрыляющей песню и камни святынь.

БИОГРАФИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Жерар Филип тонул — и не погиб.
Он даже яд глотнул — и не погиб.
Живьем в огонь шагнул Жерар Филип,
С себя огонь стряхнул — и не погиб.
С высоких крыш артист Жерар Филип
Спокойно прыгал вниз — и не погиб.
Достоин встретил смерть Жерар Филип,
Он лег в постель спокойно — и погиб.

* * *

Методы у истины — особые,
На ее уроках не соскучишься.
Ложь — ее наглядное пособие.
На своих ошибках правде учишься.
Очень мы с деревьями похожи —
Без подрезки чахнем, вымерзаем.
Я периодически ведь тоже
Был для пользы дела подрезаем.
Если бы меня не отвергали,
Я дорос бы до высот едва ли.

* * *

Поскольку всякая ошибка нам страшна,
За безошибочными прячемся словами,
За безошибочными прячемся делами, —
Зато в ошибках наша истинность видна.

* * *

Три отметки, три цены
Кем-то свыше нам даны:
«Отлично», «хорошо» и «плохо»,
Лично мне — «отлично», тебе — «хорошо»,
А кому же «плохо»?

Три настроя, три струны
Кем-то свыше нам даны:
Свадьба, именины и поминки.
Лично мне — свадьба, тебе — именины,
А кому поминки?

Три гостинца нам даны,
Три с небесной вышины
Яблока свалились,
Чтобы мы делились:
Лично мне — первое, а тебе — второе,
А кому же третье?
Пополам его съедим,
Третьему не отдадим —
Ни за что на свете!

ВЫБОР

С веревки ночью сорвалась коза
И понеслась куда глядят глаза.
Она за горку поскакала, в поле,
Она резвилась, как дитя, на воле.
Но перед нею лес гудел живой,
И вдруг в лесу раздался волчий вой.
Шерсть на козе от страха встала дыбом,
И сердце чуть не лопнуло в груди!
Даны ей две возможности на выбор:
Смерть — впереди, неволя — позади.
Меж гибелью и рабством выбор есть,
Она не знала, что ей предпочесть...
Но вспомнив, как веревка давит шею,
Она, душою трепеща своею
Меж вечным рабством и мгновенной болью,
Пустилась в лес, а не назад в неволю.

КОЛЫБЕЛЬ

Вновь я приехал в родное селенье —
Новые улицы, дух обновления...
И в очагах баснословных времен
Новый огонь в эти дни поселен.
Мысли мои вдохновенно парят,
И новизна меня околдовала...
Все же прикован,
как прежде бывало,
К зыбке старинной
Мой пристальный взгляд.

Зыбка... Далекого детства примета,
Припоминанье младенческих дней...
Что деревянная люлька эта
Вдруг всколыхнула в душе моей?!

Некогда в ней, расписной, деревянной,
Мать засыпала под зоркой охраной.

В зыбках лежали отец мой и дед...
Мир колыбельных, мир первозданный,
Первовселенная канувших лет!
Первый мой дом и дороги начало,
Вечно взмывающий круг бытия...
Если же мать колыбель не качала,
Чуял я — стража уснула моя.

Что же дыхания матери слаще?!
Пил я его — насладиться не мог...
Первой отрадой мне был звенящий,
К люльке подвешенный погребок.

Мнилось: вокруг взлетающей зыбки
Мир и вращается, легкий и гибкий,
Целой вселенной ведь были досель —
Мать, погремушки, моя колыбель.

Помню: на левой моей руке —
Бусинка черная против сглаза.
Рута сухая —
да минет зараза! —
Рядом с кораном,
Невдалеке.

В люльках цветастых,
Смежая веки,
Сладко мечтая, грезя светло,
Спали Сабиры, Наби,¹ Бабеки,
Те, кто мечом побеждали зло.

В люльках
Любви благодатная сила
К нам прикоснулась лучом, как светило,

Первый урок был заучен легко:
Что за блаженство младенцу дарило
Матери теплое молоко!

¹ *ацаг Наби* — легендарный народный герой.

«Я пою тебе «Лайлай»¹,
В розах нежных утопай,
Там, где роза золотая,
Сладкий сон найди, узнай!»

С ласкою к нам устремлялась крылато
Речь, заключенная в песне родной.
В люльках, пеленками туго объаты,
Речи
мы пили сладостный зной.

Пели ключи,
Клокотали, кипели
И выбивались из недр земли...
Лад обретали у колыбели
Песнь Узеира, стих Физули.

Песня струилась, текла водопадом,
В сон погружала...
Но сквозь туман
С этой мелодней,
с каждым ладом
В душу вливался Азербайджан.

Светом врывалось детей веселье
В темное дедовское жилье.
В солнечный мир мы сошли с колыбели
И зашагали вокруг нее.

...Вслед за мечтами мы шли по свету,
Нас разлучили в дороге мечты.
Но не забыли мы зыбку эту,
В жажде
невиданной высоты.

За переменою — перемена.
Мир обростал городами, людьми

¹ *Лайлай* — «баю-бай».

И становился мал постепенно —
В люльках окрепнувшим Насими.¹

Родину, ветер любимого края
Струи напева нам в душу несли.
Зыбка — исток... Колыбель покидая,
Миру откроем истоки свои!

ГАРА-ЗУРНА¹

Алафсару посвящая

Вновь гогочет, хохочет гара-зурна.
Журавленок отставший
Крылами взмахнул
И нагнал свою стаю...
И радость бурна,
И во вражьих ушах —
Только хохот и гул.
И припомнился мне мощный прашур-огуз,
Разрывавший железо опутавших уз
И врагов изгонявший во все времена...

* * *

Запоем, как бывало, гара-зурна —
В жилах кровь пробежит, словно песни струя,
Тронет пламенем сердце, огнем опалит,
И, волнуясь, заплещут степные края,
Где неслись аргамаки, сбиваясь с копыт...
Поплывут в хороводе «яллы»²
творцы,

Исполины
истории славной моей,
Прозорливые старцы, цари-мудрецы,
Горделивые беки минувших дней.

Здесь — хребты Ала-Дага, а там — Агра-даг,
И страна пробудилась, и — в трепете враг.

¹ *Гара-зурна* (черная зурна) — один из древнейших народных музыкальных инструментов.

² «Яллы» — азербайджанский танец.

¹ Имеется в виду строка Насими: «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь».

Вот Бамсы Бейрек наточил свой клинок,
Начинает свой сказ

седоглавый Союм,
И над башнями факелы он зажег.
Вьется дым алачигов¹, доносится шум.
Тут настроил свой саз

сам Деде Коркуд.
Грозный хан Баяндур оседлал скакуна.
Чужеземцы-разбойники в страхе бегут
Из пределов отчизны,
Гара-зурна!
Кличем битвы рожден твой свирепый напев,
Как призыв Казан-хана² гремишь, заревев...
С обнаженным мечом шел герой на врагов!
Ты окликнешь — и разом расколется тишь.
Ты — мой голос,
Дыханье мое,
Ты гудишь,
Словно вихрь,
Что летит из-за веков!

РАЗГОВОР С МАТЕРЬЮ

От жестокого взгляда, неправого дела
Мрачнею, как небо, что вдруг потемнело.
И мама пугается: «К сердцу так близко
Нельзя принимать все, что подло и низко.
Нельзя быть за все в этой жизни в ответе,
Боюсь, проживешь ты недолго на свете».

Пугливая мамочка в старенькой шали,
Добра ты желаешь неумному сыну:
Кто хочет жить долго, не должен печали
Впускать в свою душу, но как я остыну?

Но как не замечу я вянущей рощи,
Хотя не заметить и легче и проще,
Очаг задымивший, родник пересохший
Меня удручают, как друг, изнемогший
В беде, — и могу ли не видеть их, мама?
Ведь жизнь — это радость, ведь жизнь — это драма!

¹ Алачиги — кибитки.

² Бамсы Бейрек, Союм, Хан Баяндур, Казан-хан — герой народного эпоса «Китаби Деде Коркуд».

Ведь к истине нас размышленья приводят,
Так не упрекай ты меня, не кори же.
А те, кто лишь в радостях радость находят,
По-моему, к небытию всего ближе.

Не бойся, не стану мрачней и угрюмей.
Стихи — это плод наших чувств и раздумий,
И пламени стих настоящий подобен.
Не будет любим, кто любить не способен.
Держи я подальше от сердца печали —
Стихи б мои к людям пробилась едва ли.

Коль буду щадить себя, может быть, сроки
Продлю, как ты мне и советуешь, плача,
Но раньше меня мои жалкие строки
Умрут в этом случае, — вот незадача.

Пусть жарко огонь полыхает сердечный,
Досадно коптить это небо без толка.
Мне вовсе не хочется жить бесконечно, ---
В поэзии жить мне хотелось бы долго!

ЧИНАРА

Масуду Алиоглу

Чинара росла на речном берегу,
И тучи внимали ее шелестению,
И травка лоснилась под ней на лугу,
Покрытая лиственной шелковой тенью.

И путники в знойные летние дни,
Отведав, как влага прохладна речная,
Ложились в широкой древесной тени,
Усталость во сне золотом забывая.

Стояла чинара на страже их сна,
Макала листочек в сверкавшую реку,
Свежа и огромна, гордилась она,
Что дарит счастливый приют человеку.

Причудливой тенью лужайку накрыв,
Вершину в небесной лазури купая,
Она напевала счастливый мотив,
А может быть, птичья в ней пряталась стая.

Но годы чинару состарили, нас
Они не щадят, — и ее иссушили,
И блеск ее царственной кроны погас
Под слоем дорожной безжизненной пыли.

И ветер однажды, как яростный бог,
Поднялся, могучий, в слепом раздраженье —
И, охнув, упала она поперек
Реки — и застыла в таком положении.

Не тенью полезна, так старым стволom.
И глаз благодарных с нее мы не сводим.
Смотри: она стала висячим мостом,
По ней на ту сторону мы переходим.

СТИХИ О БЕТХОВЕНЕ

1. *Голос судьбы*

(Слушая Пятую симфонию)

Не жаловался на судьбу и на век
И музыкою своей
Внушал человеку: «Живи, человек,
Не бойся, живи смелей!»

Как в туче, на чудном его челе
Небесный огонь дремал.
И степень могущества на земле
С грозой он соразмерял.

Так подпирают собой дубы
Рушащийся небосклон.
Он песни радости и борьбы
Создавал, подавляя стон.

И еще говорил человеку: «Брат,
Пусть судьба к нам грядет со злом,
Будешь ты несчастнее во сто крат,
Если станешь ее рабом».

Он-то не был рабом ее и в беде,
И заслышав шаги судьбы,
Он встречал ее на роковой черте
Пеньем скрипки или трубы.

Ах, недаром, гибельна и мрачна,
Представлялась ему слепой.
Слуха, слуха, лишила его она,
Та, с кем он выходил на бой.

Но, поднявшись над мраком своих скорбей,
Петь заставив в беде струну,
Он, оглохший, музыкою своей
Победил судьбу-тишину.

2. *Один такой...*

Был человек, которому Бетховен
не нравился, один такой был в Вене.
Он искренне считал, что недостойн
Тот славы
И чрезмерных восхвалений.
Он жаждал
Вдохновенья и волнений.
Не нравился Бетховену
Бетховен.

3. *Трагедия — комедия*

Оглохший,
звуки слышал он,
не слышные другим.
«Конец комедии», — сказал
в трагическом конце.
И был он мученик, —
никто измучен не был им.
И жил он в бедности, один,
а мог бы — во дворце.
Из глубины своей смотрел
на судьбы
дел земных.
Был одинок,
но думал он
до смерти — о других.

4. *Вопросы*

В безмолвии он жил,
вселенная молчала,
Молчали родники и ветер грозовой,
Лишь сердце билось в нем,
еще сильнее стучало,
Он слышал стук, таинственный, живой.

Лишь сердце билось в нем,
лишь сердце вопрошало
Его: зачем живешь? Что хочешь миру ты
Сказать?

Из одного, должно быть, матерьяла
И музыка, и боль кроются.

Глухоты
Не бойся: лишь бы слух способен
был расслышать
И радость, и печаль, и горести людей...
В безмолвии он жил,

но к музыке был ближе,
Чем те, кто далеки от горя и скорбей.
А что до звуков тех, что слышать
может каждый,

Зачем они ему?
Ведь всё из ничего
Родится, из любви, из той
сердечной жажды,
Что мучает творца, средь всех избрав его.

5. Траурный марш

Когда он веки в миг последний свой
смежил,
С небес ударил гром и Вену оглушил.
Всю жизнь он был грозы певец
и верный страж,
И молнии к нему с небес слетали в руки,
И траурный его, грозой омытый марш
Природа, вся в слезах, сыграла
в час разлуки.

ДНИ РОЖДЕНИЯ

Мой день рожденья — радоваться надо,
Все веселы, моя ж душа не рада.

Где молодость? Кружится голова, —
Какие были спуски и подъемы!
Я тронут увяданьем, как листва.
Сомненья мне, увы, теперь знакомы.

А в детстве... как хотелось мне тогда,
Чтоб гости каждый день у нас бывали,
Чтоб дней веселых длилась череда,
Не знающих о скорби и печали.

Единственным ребенком был в семье ---
И праздновался день рожденья свято,
И не было тогда в моем житье
Ни слез, ни бед, хоть жили бедновато,
И я не знал, что день рожденья мой
Не вечно будет радостью такой.

Как я спешил игрушки показать
Своим друзьям, волшебные подарки!
Счастливый день, восторг и благодать,
Как памятни мгновенья те и ярки!

Тот мальчик мне как дальняя родня
Теперь, едва мне виден в отдаленье.
Так радовавший некогда меня,
Печаль внушает нынче день рожденья.

Еще один год жизни — за спиной.
Они уже большой толпой толпятся,
Мои года...
И в день рожденья мой
Уже не я, а дети веселятся.

HÖRMƏTLİ OXUCU

Elektron resursda görünən qüsurlar kitabın fondumuzda olan nəşr variantında olduğu kimidi.

БАЛЛАДА О СОБАКЕ

Осенний дождь упрятан был во мглу,
Неслышно шел, дороги размывая.
По лошади, привязанной к стволу,
Текла вода, струилась, дождевая.

О лошади хозяин позабыл
Иль выходить из дому не хотелось?
Что ржать напрасно? Выбившись из сил,
На окна дома лошадь загляделась.

Сидела там собака на окне,
Заплывшая без дела лишним жиром:
«Что, лошадь, ржешь? Ответь, бедняга,
Ответила: «Смеюсь над этим миром.
Не я ль для дома камни день за днем
Возила, потом покрываясь зряшным?
И вот, смотри, я мокну под дождем,
А ты теперь сидишь в тепле домашнем».

Собака ей: «Что ж горевать о том,
В чем больше всех сама ты виновата:
Учила я тебя вилять хвостом, —
Ты не хотела, даром что хвостата».

и в будни, наконец.
То к ней в недобрый час
прибегнет исцелитель,
а то сам календарь
напомнит нам о ней...
Названия цветов, камней...
Так не хотите ль
сказать, что сей язык —
язык одних теней,
язык лишь мертвецов,
такой же мертвый ныне?
Нет, я, покуда жив,
вам не отдам латыни!..

Порой на берегах иного океана
о счастье о своем
иной подымет крик:
мол, так свободен он!
Ну, что ж...
Одно лишь странно:
в его словах акцент я слышу постоянно —
свободному ужель милей чужой язык?
Пусть крикну и впрямь
весь быт его угоден,
но где же счастье здесь,
спрошу лишь об одном, —
когда тебе слова
«я счастлив», «я свободен»
свободы нет сказать на языке родном?
Скажи,
кто скажет «рай»
про то на свете место,
где,
в нищете лачуг, спасаясь от ареста,
живет родной язык?
Что — нехорош лицом?
Иль, может быть, рожден вне брака?
Вял он, что ли,
иль слишком беден он,
чтоб выразить все боли
и чтоб на площадях молчать пред подлецом?

Ты языком чужим
с трибуны

громче грома
доказываешь всем,
что счастлив ты —
изволь!
Тебе родной язык понадобится дома,
чтоб мать к себе позвать,
когда прихватит боль!
Но сердце ли болит
иль совесть захворала?
Есть родина, народ,
а языка не стало.
Так у иных рояль,
сверкающий от лака,
навек обречен молчанию, однако.

Так что ж,
какой язык живет:
тот, что
молчит, имея все: и землю, и народ,
иль тот,
что, в тьме веков
все растеряв, поет?!

ПОЭМЫ

ЧЕТЫРЕСТА ШЕСТНАДЦАТАЯ

(Фрагменты боевого пути дивизии)

ПРОЛОГ

Четыре года тянется война,
все человечье в человеке топчет
Земля опалена, обожжена.
Приходят вести — ярость в них клокочет.
Мольбы и стены в небеса летят.
Как много их, кого беда постигла!
И топчут, топчут сапоги солдат
лицо земли — пощечиной постыдной.
Безмолвный бунт. Кричащие сердца.
Кошмар руин, смертельный страх плодящий
Меняются границы без конца.
Самой земли земное горе тяжче.
Обугленные очаги торчат.
Все, кажется, горит на белом свете.
Боль миллионов душ. Пожаров чад.
Концлагери неволи, пыток, смерти.

Багряная от крови, ночь не спит.
Надежды нет, что утро явит милость.
Рассвет от боли и тоски вопит...
Как все в четыре года уместилось?
Но это вопрошаем мы сейчас.
Тогда такого не было вопроса.
Июньский день. Свершилось. Пробил час...
С тех пор мы лет не замечали просто.
Не замечали в гуще бед, трудов —
печалей общих и несчастий личных.
Трагедии тех четырех годов
хватило бы на сотню лет обычных.

Ровесники! За день прожив года,
вы умирали, жизнь в бою отдавши,
и целого столетия беда
четыре года гнула спины ваши.
Ровесники, взрослевшие в боях,
птенцы, — взмывая яростно с Востока,
вы падали и разбивались в прах,
еще летать не научившись толком...

И снова — школа. Вечер встречи тех,
кто тридцать лет назад ее окончил, —
одна из дорогих наград, утех,
что возместить потери наши хочет.
Я снова с вами, старые друзья.
Как пропасть — годы, ставшие судьбою.
Молчим, по лицам взглядами скользя.
Увы, расстался каждый сам с собою...
От прежних лет не только далеки
мы чувствами, что грели нас вначале.
Посеребрило время нам виски.
Обведены глаза сурьмой печали.

Вчера был беззаботным сорванцом,
а нынче смех не льнет к устам усталым.
Вчера еще ты в школу шел с отцом —
стал нынче сам отцом и аксакалом.

О, если б юность отыскать, сберечь!
Ищу ее в знакомых стенах школы.
Мой класс. В углу чернеет та же печь.

Медпункт. Спортзал, уютный и веселый.
Все на своих местах, как было встарь.
Все так, как было в те года...
И все же...
И все же класс поменьше, вроде, стал,
и зал, и коридор... И школа — тоже.

Но тут не стоит доверять глазам,
Хотя пока я не усвоил это,
не школа — стал совсем другим я сам,
переменились время и планета.
— Привет!
— Постой... Задача нелегка:
узнать, — что стерлось, памятью дополнив.
— Ведь ты — Малек?
— О, нет, я — Малейка!
Ты тут сидел и в мух пулял...
— А, вспомнил!..
И так тепло и нежно на душе.
Воспоминанья милые согрели.
— Как жизнь идет?
— Я бабушка уже...
— Да, для детей живем мы...
— Постарели...
— Ты помнишь, тут сидел «хитрец» Вели,
а тут — Ильгар, — «девчонкою» дразнили...
Гасан...
— Что с ними?
— С фронта не пришли.
Не возвратились... И они одни ли?..

Не все вернулись, кто ушел в поход.
Но не пуста истории страница.
Не все пришли...
Но сорок первый год
в веках лишь их деяньем сохранится.

Первая глава

ВЧЕРА—СЕГОДНЯ

Изранены сердца.
Живет страна

вестями с фронта. Тяжки эти вести.
Все свои силы собрала она.
Страна едина.
Как один, все вместе.
А раньше, в прошлом, целых двести лет
мы под ружьем, в солдатах не ходили.
И тут загадки или тайны нет:
за это деньги крупные платили.
Припомним, отчего так было в старь:
заместо службы — только груз налога.
Но доверял нам, мусульманам, царь, —
он был напуган Шамилем надолго.
Но только он боялся нас зазря.
Забитые, в тенетах веры рабьих,
молитвы умиленные творя,
мы забывали наших предков храбрых.
Не различали мы добра и зла,
крестьянские сыны в папахах вечных.
Зачем средь грозных битв судьба спасла
нас от солдатской выучки, беспечных?
Враги копили знания и злость,
а мы к аллаху жались в час сраженья.
О, дорого нам в жизни обошлось
к солдатским сапогам пренебреженье!

В век пушек поставлял огонь нам трут.
Все тот же камень был оружием нашим.
Нас день вчерашний стиснул сетью пут,
и Ченлибель¹ стал жалким Данабашем!²
Нас ветры века круто обошли.
За высоту мы принимали бездну.
Каких героев мы вскормить могли?
Вчерашнюю, чужую пели песню.

И только революция
в сердца
вдохнула этот ритм летящий, четкий.
Дед — с четками, как встарь, но у отца —

оружие, направленное в четки.
Столкнулись старь и новь — к лицу лицом,
все зашаталось, чем мы дорожили.
Друг против друга встали дед с отцом —
и, каждый за свое, жизнь положили.

От выстрелов стук четок смолк тотчас.
Жизнь для лихих дорог переобута.
Явились в мир Бабек¹, Севиль, Алмас²...
И мы родились наново как будто.

Мечтами дерзко бредит человек.
Всех радостных надежд первопричина,
оружием, которым грозен век,
владеть нас революция учила.

Свет солнечный с гюнея на гюзей³
струится, сон гоня перед собою.
И вот уже бывшее — лишь музей
истории, — как Зимний, взятый с бою.

...Над родиной — кровавая заря.
Как весь народ, мы жизни не жалели.
Единым гневом праведным горя,
надели мы солдатские шинели.

Я шел в строю отважном, боевом,
я спотыкался, но шагал с упорством.
Мой отчий край весной в сорок втором
четыреста шестнадцатую создал.

Мне новая поэма нелегка.
Я начинать повествование медлю.
Из сердца выйдет каждая строка...
Писать иначе — права не имею.

Пока еще не знаю, как бы смог
дорогу строк в полете их крылатом

¹ Ченлибель — крепость, где располагался лагерь народного героя Кёр-оглу.

² Данабаш — селение, описанное в повести Джалила Мамедкулизаде как темное, забитое, отсталое.

¹ Бабек — национальный герой, возглавивший борьбу против арабских завоевателей.

² Севиль, Алмас — герои пьес Дж. Джабарлы, освобожденные революцией строительницы новой жизни.

³ Гюней — солнечная сторона горы, гюзей — теневая сторона горы.

из тяжелейших выстроить дорог,
что за три года пройдены солдатом.

Как из солдатских стриженных голов,
из свиста пуль сверстать сюжета схему,
из топота сапог создать суть слов,
из трезвой прозы сотворить поэму?

Здесь должен в цель попасть в свой точный срок
неумолимо, просто и сурово,
как снайперская пуля, каждый слог,
и делу здесь равно любое слово.

Любой боец —
бессмертен,
жизнь его —
романа небывалого страницы.
Для рифмы — наших залпов торжество,
клинок разящий гнева без границы.
Как не страшиться мне?
Ведь должен я
поведать людям в строчках безутешных
о павших за родимые края,
о радостных угаснувших надеждах.
О матерях, о вдовах говорить...
Вот вновь перо застыло, цепенея.
Прерву ночного размышленья нить.
Прилягу...
Только — снова на войне я.
Из темноты возник мой старший брат,
мой Исфендьяр...
— Послушай, что такое?
Не нужен нам заупокойный лад,
солдатам, тем, кто лег на поле боя!
Всем, кто прошел дорогами войны,
кто мир отвоевал в жестокой схватке,
рыдающие строки не нужны, —
ни сироте и ни вдове-солдатке!
Ты вспомни нас, отчаянных ребят,
улыбки наши, убежденья наши.
Пусть в строчках залпы гордые гремят —
салютом жизни по геройски павшим.
Не надо слез. Да будет во сто крат

еще прекрасней жизнь на белом свете!
Мы ради жизни умирали, брат.
И вы теперь за эту жизнь в ответе.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

По тропкам, летящим над бездной ущелий,
за ротою рта к Чир-Юрту идет.
Год сорок второй.
В сердце — только отмишенье!
Ученья,

ученья —
день, ночь напролет.
Ползем по-пластунски,
шагаем,
но в деле
горячем
еще не случалось бывать.
Нам ложные эти бои надосли.
Мы рвемся в сраженье! —
чего там скрывать.
Конечно, все будет,
пока же — фальшивка:
твой конь — хворостинка,
цепь горная — враг...
Лишь ложные игры...
Но это не лживо:
тревога и ярость бескровных атак.
К тому ж и кончаются игрища эти:
из Ставки пришел долгожданный приказ.
Так взрослыми сразу становятся дети...
Взять штурмом Леднево —
задача для нас.
Приказ прозвучал — и рванулась лавина,
и — словно вершины содвинулись с мест.
Решимость — победы уже половина.
Разбужены взрывами горы окрест.
Край неба алеет,
земля заалела,
земля запылала —
и поле, и лес.
В ожогах — земное зеленое тело.
Расколот задымленный купол небес.

Гром, грохот, свист пуль —
по сердцам и по нервам.
Врезается в жизнь смертоносный металл.
И первый наш залп
нашим возгласом первым
в сражении века решающем стал.
Смешались в то утро и доли, и горы,
и бездны, и даль беспредельных высот.
И голосом пуль, оглушавшим просторы,
с врагом говорил, наконец, мой народ.

Тот голос вещал:
пусть живет мир цветущий,
пусть в каждой душе будет солнечный свет.
Я — жертвенный вклад в этот праздник грядущий,
в бессмертное счастье всех будущих лет!

Тот голос вещал:
нет бесценнее вклада,
чем кровь, что за родину льется в бою.
Мне счастья задаром, в подарок не надо.
Я сам отстою в битве долю свою!
Тот голос вещал: в голосах громогласных
истории — нотой заметной — и я.
И не потеряется в буднях бесстрастных
борьбой обретенная слава моя!
Тот голос вещал:
все на свете народы
равны.
У руки ищет дружбы рука...
Но есть еще в мире такие уроды,
что смеют смотреть на других свысока!
Тот голос вещал:
малых нет и великих,
и детство у разных народов — одно, —
есть те, что до срока ходили в безликих,
но стать больше, лучше — любому дано!
Есть подлость, людской орошенная кровью,
господ, возмечтавших о сонме рабов.
Но ржавчина крови отмыта любовью.
Сильней — справедливость, добро и любовь!
Тот голос вещал стрекотней пулемета,
и то был любви, справедливости глас.

Кровавая схватка, святая работа
во славу народа, пославшего нас.

Враг город поджег, отступая.
Пылал он.
Стал каждый бы пеплом, лишь в нем окажись.
Я долго смотрел, как в пожарище алом
сгорала моя довоенная жизнь.
Сгорела — и сердце захлестнуто болью...
И все же стучало оно об одном:
дивизия, с честью ты вышла из боя,
ты все-таки — в городе этом родном!
Опять
и опять
мы в сраженье жестоком!

Вперед!
И шагай,
и беги,
и ползи!

Сегодня сражаемся мы под Моздоком.
Баксан перед нами. И Терек вблизи.

Нам флагом кровавые раны служили.
Дорогой к победе стелились бинты.
Не танки —
сердца нам пути проложили.
Мы грудью везде прорывали фронты!
Уверенность, вера — вот главная сила.
С ней можно металл в рукопашной ломать.
Что — пушки без сердца, в котором взрастила
святую уверенность Родина-мать!
Какие на свете ни гнули нас беды,
мы знали: пусть к счастью дорога долга,
упрямая вера — вот имя победы! —
лишь с ней одолеешь любого врага.
Бойцы справедливости бились без страха.
Прекрасная вера на подвиг вела.
Идриса она окрыляла, Амраха,¹
победою света над мраком была.
Я тоже крылатую веру приемлю
в великое дело, что больше меня.

¹ Идрис, Амрах — имена бойцов 416-й дивизии.

Из крови, пролившейся с верой на землю,
рождается солнце грядущего дня.

На улице справа
лежит мертвый немец.
На улице слева
земляк мой лежит.
Убили друг друга —
и вот цепенеют
под небом, где зыбкая тучка дрожит.
Немецкий солдат,
ждал конец тебя скверный:
убит на чужбине в неправом бою...
Зачем родила тебя мать в Кёнигсберге,
чтоб отдал в России ты душу свою?

Ты рос —
воплощенная чья-то надежда.
Любили тебя и учили тебя.
Осталось оплакать тебя безутешно, —
убитую пулей частичку тепла.
Заботы затрачены были впустую, —
старания матери, знанья отца.
Жизнь все поменяла на пулю простую,
всего-то на несколько граммов свинца.

Убийство — у этой нехитрой науки
поклонники есть еще в мире большом.
Зачем же тогда материнские муки
и руки отца — колыбель с малышом?!
Твердили тебе:
ты — арийская раса,
всей жизни венец из тебя сотворя.
Ты жить, как тебе приказали, старался.
«Хайль Гитлер!» — вот высшая клятва твоя.

Где «хай!», там и «вай!»...
Зря поверил ты бреду.
Что с «высшею расою» стало? Увы!
Не ты одержал в этой схватке победу.
И тише воды ты, и ниже травы.
Чиста наша кровь, если духом чисты мы,
и не было в мире другого, и нет!

Твой Гете-мудрец — Низами славил имя.
С Вазехом, как вор, поступил Боденштедт...¹

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ АЗЕРА

Через холмы, среди высоких скал
я, думами своими озабочен,
за провиантом на коне скакал
и возвратиться должен был до ночи.
И вот, спускаясь к берегу реки,
увидел немца. Пил он, вот проклятье!
Я взвел курок... Но как-то не с руки.
Нет, не решился в пьющего стрелять я.
Подумал я: ну ладно, пусть попьет.
Кто знает, что на том творится свете...
У нас никто гадюку не убьет,
коль пьет она. Законы святы эти.
Поднимется — и выстрелю тогда...
Я ждал,
а он подняться не пытался.
Потом я понял: выдала вода
меня, и обо всем он догадался.
Увидел отражение в воде,
пока витал я в размышленьях где-то,
и понял: он — в ловушке, он — в беде,
и выстрелил в меня из пистолета!
Не знал законов благородных он,
не мыслил столь возвышенно и тонко.
Охотник жертвой был опережен,
и стал рабом я этого подонка!
Хотел бежать, но он меня настиг.
Я говорил немного по-немецки.
— Где ж благородство, честь?
— Вот тоже, псих!
На фронте эти свойства неуместны...
Так глупо мне случилось пленным стать.
Как мальчик, был врагом обманут кровным.
Хотел я жизнь за родину отдать,
а стал я перед родиной виновным!

¹ Гете в произведении «Восточный и Западный диван» дал высокую оценку Низами, а немецкий поэт прошлого века Боденштедт, взяв с целью перевода стихи азербайджанского поэта Мирзы Шафи Вазеха, напечатал их, выдав за свои.

И с той поры я жил в кошмаре тьмы,
у смерти в пасти, в логове печали.
Но сговорились с русским парнем мы
и вместе с ним из лагеря сбежали.
Осенний лес открыл нам свой приют —
родной природы щедрое даренье.
Но так тоскливо, птицы не поют,
холодный ветер тербит деревья...

Два дня мы с ним в пещерах провели.
Что дальше делать? Все тоску наводит.
Угрюмо пожелтел ковер земли.
Везде сквозняк ознобный хороводит.
Да вечером еще однажды вдруг —
как добавление к нашей грусти черной —
услышали мы характерный звук:
стреляли где-то на поляне горной.
Кто и зачем стреляет здесь, в горах?
Предчувствовали мы беду заране.
Пришел на место удивленья страх.
Тихонько мы приблизились к поляне.
Волнением охвачены сердца.
Дыханья нет, и кровь застыла в венах.
Увидели мы, пленных два бойца:
враги таких же расстреляли пленных.

Здесь сорок два бойца в крови лежат.
И сорок два погасло в мире солнца.
Но день — как день, он не похож на ад,
и в ужасе земля не затрясется.
Бесстрастный и безжалостный металл,
которым их враги к земле прижали,
попал в глаза и тех, кто дома ждал,
в далеком и родном Азербайджане.

Вот подлость —
беззащитного убить!
Поверженному
мстить герой не станет.
Достоин может уваженья быть
и враг, —
ведь это истина простая.

И у беды, хотя она — беда,
есть свой закон: закон борьбы, победы...
Не поднимали руку никогда
отцы на безоружного и деды.

И если враг терял в сраженьи меч,
и бой не мог, казалось, дальше длиться,
не голову ему срубали с плеч,
а возвращали меч, чтоб снова биться.
Так нас учили, и в крови у нас —
то мужество, с которым не расстаться.
так воспитали, чтобы в худший час
мужчиной до конца во всем остаться.

ОТСУПЛЕНИЕ

...С гор Керем пришел, готовый к бою,
на холме поставил он посты.
Враждовал он с Исафил-агою
из-за чьей-то подлой клеветы.

Был гачаг¹ Керем отменный воин.
Вел отряд — железные ряды!
И его хранили горы вдвое
от любой невзгоды и беды.

Исафил-ага со всей семьею,
благо, что дорога недолга,
как всегда, с равнины шел весною
в горы, хоть боялся он врага.
Близ холма поставил он палатки,
хоть ему ума не занимать.
Понимая, что не все в порядке,
все-таки пошел с женою спать.
Утром рано, только солнце встало,
тихо вышел из палатки он.
И заметил тусклый блеск металла
под ногами... Это же патрон!

¹ Гачаг — беглец.

Всех собрал, расстроившись законно.
— Чей патрон?
Молчание в ответ.
— Это благородство мне знакомо.
Был мой враг Керем тут, спору нет.
Чести, как игит, не изменяя,
поступил Керем со мною так:
только ради женщины меня он
пощадил, — мой самый худший враг!

Есть свои у мужества законы.
Не всегда победа — это честь.
Я врага лежащего не трону,
или — если с женщиной он здесь...
Да, бывали времена жестоки,
и теперь — не лучшая пора.
Но у нас — высокие истоки
благородства, мужества, добра!

ТИШИНА

Год сорок третий. В феврале как раз
в горах Самбека битва началась.
Пошли полки отважные в атаки.
Алели раны на груди —
как маки.
Алеет окровавленный простор.
Захватчики прикрыты цепью гор.

Четыреста шестнадцатая бьется —
врагу от нас, как надо, достается!
Эсэсовцев в атаку бросил он.
Мы нанесли эсэсовцам урон.
Орудия Амраха в бой вступили
и части их отборные добились.

О тишине беспомощно моля,
оглушены и небо, и земля.
И самолеты с черными крестами
на крыльях
с ревом мечутся над нами.

На землю бомбы с грохотом летят —
неумолимый, жуткий градопад!

Стрекочат минометы, пулеметы...
Не понимаешь:
где ты,
как ты,
что ты...
До крови землю гусеницы трут
бандитских танков — «тигров» — там и тут.
Мы люди.
Мы выносим все на свете.
Но как выносят все просторы эти?
Земля, на чьей груди цветут цветы,
счастливые надежды и мечты...
Как не погаснет над землею солнце?
И как планета в космосе несется?
На каждом миге — тяжесть многих дней.
Над ними смерть витает —
с жизнью рядом.
Но мы уже давно привыкли к ней,
к раскатам взрывов, к пулям и снарядам...
Вдруг на мгновенье смолкло все вокруг.
Склон распушился, вскинул травы луг.
О, как они черны! И видеть странно,
что на любом листке — сквозная рана.
Ты поддержишься подольше, тишина.
Дай позабыть, что на земле — война.
Пусть листья запоют на закопченных,
поломанных, печальных ветках черных

Заполнен мир звенящей тишиной,
такую долгожданную, родной!
Поля стоят в почетном карауле
во славу тех, что навсегда уснули.

ДАЙТЕ ПРОСТОРА!

Вперед,
вперед!
Так гоним мы врага.
Идем по свежескошенному полю.
Я вижу островерхие стога.

Дышу я сеном, как минувшим, вволю.
Всю память всколыхнуло мне оно.
Способны мигом воскресить былое
былинка, листик, малое зерно...
Но небо вновь
дымится черной мглой.
И скрыто беспросветной пеленой
вчера — с его трудом и светом.
Лицом к лицу стоят здесь мир с войной —
на колком, на душистом поле атом.

Вперед!
Еще немало ждет дорог.
Бегут враги, дома взрывая напех...
Вперед, друзья!
Еще за Таганрог —
за чеховский —
нам с вами — биться насмерть...
Свободен город! Мы пришли сюда,
кровь проливая, выполнили долг свой.
Победою дивизия горда.
Присвоено ей имя
Таганрогской.
Великая надежда нас вела
и воля павших, нами не забытых.
Уже до Мелитополя дошла
дивизия, испытанная в битвах.

ОТСТУПЛЕНИЕ

А я-то ведь не шел в рядах тех самых...
И все же был заброшен, как десантник,
на парашюте слова, в те ряды —
чтоб разглядеть вблизи лицо беды.

Ни разу я не взвел курка винтовки.
Слова я строю, и не без сноровки,
но не листал я, как страницы книг,
полей, где кровь сочилась каждый миг.

Откуда же узнать я мог подробно
о многотрудной, огненной, окопной

тяжелой жизни каждого бойца,
там, на войне — без края и конца?
Я фронт глазами сердца видел четко.
Была прямой сердечная наводка.
Болея душой за все, и потому —
как будто был в пороховом дыму.

За пядью пядь я шел вперед со всеми,
любя и ненавидя,
верный теме
победы нашей грозной, боевой, —
в солдатских лицах — лик ее живой.

Не все тогда я, может быть, и понял,
но, как земля печалилась, — запомнил.
Я ухом сердца слышал залпов гром,
и я могу их вычертить пером.

О, нет, не я слагаю строки эти!
Следы всех тех, кто не исчезнул в Лете,
путь от Моздока до Берлина —
вот,
что на бумаге в строчках оживет!

Четыреста шестнадцатая в славе
идет — от переправы к переправе,
от боя к бою...
Только ведь легко
лишь на словах
шагать так далеко.

Военный бесконечный год оттопал
солдат, пока пришел он в Мелитополь.
И всюду пулям подставлял он грудь.
Погибшими в пути
был устлан путь.
Теряли мы прекрасных, самых лучших.
Оплакать —
не хватало слез горячих.
Теперь на все оставшиеся дни
смертельной, страшной болью —
в нас они.

Чернели трупы на снегу, как точки
оборванной насильно яркой строчки.
В душе от боли столько долгих лет,
как от коптящей лампы —
тусклый свет.
Мы шли, а смерть страницы дней листала.
И смерть для нас привычным делом стала.
Земля и небо от шагов тряслись,
в кромешной мгле тонули даль и близь.

Героев имена не перечислил —
я каждого бы к сонму их причислил!
Не ошибется в именах перо,
коль кровь лилась за правду и добро.
На том пути подростки возмужали,
задачи непосильные решали.
Безвестные прославились навек,
опять возвысив званье — человек.
Не в званиях дело, не в высоком чине.
Мужчиной быть положено мужчине.
Не по погонам узнают солдат:
к ним подвиги приковывают взгляд.

Идрис, Агаширин, Мамед погибли...
Вас пули сумасшедшие настигли.
Как рядовые, вы в сражение шли,
и славу там бессмертную нашли.
Ты, Музаффар... И многие другие,
безвестные, но сердцу дорогие, —
как звезды, что погасли на лету,
вы прочертили в небе борозду.
Вы — молнии в грозе кромешной боя.
Отозвалась гроза великой болью,
неистребимой, горестно живой
в чистейшем сердце родины самой.
Бывают озаренья... Неотвратно
нам все тотчас становится понятно.
И черное от белого тогда
мы сразу отличаем без труда.
Жестокою, безвыходной порою
рождает миг прозрения героев.
И жизни смысл понятен в этот миг.
И я прошу, как робкий ученик:

жизнь, дай мне поле боя! Дай мгновение,
чтоб мне открылось правды откровенье, —
я смог бы тоже подвиг совершить
и вечность в миге крохотном прожить.
Не будь таких мгновений, кем, ответьте,
прослыл бы наш Наби¹ на белом свете?
И были б наши славные отцы —
не храбрецы, а просто беглецы!²

Я всех героев здесь не называю,
лишь к их священной памяти взываю!
Воспеть любого можешь ты, перо.
Ведь кровь лилась за правду и добро.
Так наша честь дневала, ночевала
на фронтовых дорогах — без привала.
И вместе с ней шагал во вражий стан
по странам чуждым
наш Азербайджан!

КОНЦЕРТ

На рассвете узнали мы весть, —
ни в одном ее не было плане:
делегация с родины — здесь,
и гостей не бывает желанней!

Есть артисты, сказали, среди них.
Что же может быть лучше, чудесней?
Мы и так их приветим, родных,
да еще будут пляски и песни...

Я сжимаю в руках пулемет,
наблюдаю... Работа такая.
Ну а тут командир нас зовет,
поименно бойцов оклика.

Обернулся я, названный им,
пот привычно ладонью вытер, —
и глазам не поверил своим:
я Самеда Вургуну увидел!

¹ Народный герой прошлого века.

² На азерб. языке игра слов: гочаг — храбрец и гачаг — беглец, абрек, разбойник.

Будто вспыхнул в окопе свет,
отступили холодные тени!
Подошел седоглавый поэт,
поздоровался с каждым отдельно.

А потом отошел, не спеша,
он в сторонку в заметной печали,
и казалось, что слышит душа,
как стихи в тишине зазвучали.

На Парвиза он долго глядел,
с пулеметом залегшего рядом.
Наш Парвиз приподняться хотел,
но поэт не велел ему взглядом.

Острым был этот взгляд, как клинок,
зорким был, все вбиравшим, ловившим...
— Не вставай! Ты в окопе, сынок, —
в сотни раз меня больше и выше...

Ну а вечером мы собрались
на полянке и — словно согрелись!
И родные напевы лились,
и была в них особая прелесть.

Канонада гремела вдали,
нас не трогая и не волнуя.
Злые залпы войны не могли
заглушить нашу песню родную.

Голос славной Шовкет, тар Гаджи¹
канонаду как будто уняли,
доходили до самой души
и туман из души изгоняли.

В каждой ноте звучал голос гор
и долин, где росли мы с тобою.
С каждым сердцем вела разговор
наша родина — с нежной любовью.

¹ Народные артисты республики — певица Шовкет Алекперова и тарист Гаджи Мамедов.

Мы пред ней в неоплатном долгу,
мы заветам верны ее вещим.
И руками, что быют по врагу,
мы искусству сейчас рукоплещем!

Песня, столько чудес сотворить ты смогла!
И тираны с тобой неразлучны...
Я хотел бы, чтоб все человечьи дела
были песням прекрасным созвучны!

Пред тобою склоняются вера и бог.
Сердце смолкшее с песней воскреснет.
Даже самый жестокий убийца не мог
нож поднять — и сникал перед песней.

О, когда бы запел каждый камень простой,
если б горы и доли запели,
и вращалась бы наша земля под святой
материнский напев колыбельной!

ВТОРОЙ РАССКАЗ АЗЕРА

Мы молодого немца привели
в штаб: языка. Глазами ускользая,
он все твердил, что ничего не знает.
Мы ничего с ним сделать не могли.

Он ранен был. Взгляд недоумевал:
мол, странно это все и незаконно...
Мне это выражение знакомо,
таких на фронте я уже знавал.

Тут командир наш пригрозил ему,
сказал, что в небеса отправит прямо,
но он молчал по-прежнему упрямо,
как будто шанс последний ни к чему.

В землянку поместили языка.
И с автоматом на часах я — рядом.
Тревожно мне. Встречаюсь с ним я взглядом
и все понять пытаюсь паренька.
Как кто-то крепко вбил в него приказ,
и стал он верить иступленно бреду,

в «великую» Германию, в победу
всего, что против каждого из нас!

Его беда, но — и его вина.
Несчастен, кто, не разобравшись в сути,
поверит лжи и этой ложью судит
ту правду, что, как всем, ему нужна!

Он любит отчий край, душой не пуст он.
Мир голову склонит пред этим чувством!
Но если он своею верой топчет
другую веру? Худо. Плохо кончит!

Он любит отчий край... Но нам ведь тоже
всего на свете родина дороже.
Он попирает это наше право.
Какая же в душе его отрав!

От лжи он занедужил, как от яда.
Повесить за язык лжеца бы надо!
Нет ничего страшней для человека,
чем фанатизм... Он — стыд и горе века.

Эй, ты, мастак брехни великолепной,
на солнце не смотри — глаза ослепнут!
Ты веришь цвету... В этом много риска.
Лишь сверху, например, красна редиска.

Сквозь внешнее проникни в суть предмета.
Есть — истина, и непреложно это.
Ложь может расцвести, цвести годами,
но нас одарит только лжеплодами!

Давайте изнутри редиску видеть,
иначе ничего у нас не выйдет.
Пусть будут убеждения и цели
не на словах красивы, а на деле.

Ты в правду веришь? Слов не надо лишних.
Что ж именем ее ты грабишь ближних?
Верхи назвали правдою неправду,
низы служить им слепо были рады.

Обманутый, несчастный этот пленный
неправдою поставлен на колени.
Поверивши тупой фашистской клике,
сам свою жизнь он растоптал, безликий.

В землянке плачет пленный... И маячит
неровный свет: свеча, мерцая, плачет.
А за стеной — стрельба, и бесконечно
орудия орут, и плачет вечер.

Молчат уста — орудия грохочут.
Заплата заменить одежду хочет.
Добро и правда ничего не значат.
И мир, как человек, от горя плачет.

И вера плачет, и больная совесть,
холм мнит себя горой, с округой ссорясь,
последнее себя считает первым,
а черное вдруг обернулось белым.

Как все нелепо: на войне огромной,
в землянке этой, маленькой и темной,
свеча, мерцая, плачет, пленный плачет...
Не понимаю, что все это значит.

Он застонал, Он весь в крови, я вижу.
Я, кажется, его не ненавижу...
О, неужели пробудилась жалость
в моей душе? В ней что-то тихо сжалось.

Жалеть врага — бессмысленное дело!
И все же сердце жалость мне задела.
Я подошел к нему, чтоб с перевязкой
помочь... Все дикой кончилось развязкой.

Свой автомат я у стены оставил.
Он пнул меня ногой. Игра без правил...
Я дунул на свечу. Пальнул, поганный,
из автомата прямо по ногам мне.

Колено оцарапал. В рукопашной
схватились мы во тьме, слепой и страшной.
Вот так... Я одолел его, короче.
И все же пожалел и не прикончил.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Мне Кер-оглы припомнился опять.
«Поверженных не надо убивать».
Но из-за благородства своего
стал пленником подонка одного.
Разжалобил героя Боюбек.
«Ах, Кер-олы, несчастен я навек!
Люблю я больше жизни Дунию...
Гасан-паша мне б отдал дочь свою,
но он вернул назад моих сватов:
«И без сватов я все решить готов.
Ты только Кер-оглы мне излови —
и с Дунисю целый век живи!»
Улыбкою ответил Кер-оглы.
«Готовь подарки к свадьбе и столы.
Коль так ты любишь милую свою,
готов я просьбу выполнить твою!
Сдаюсь любви, но ты подумай все ж:
не дешево ль меня ты продаешь?»
Пред ним пал на колени Боюбек,
целует землю, хитрый человек!
Растроган Кер-оглы. «Вставай, пойдем!»
И вот уже в пути они вдвоем.
Перед ночлегом Боюбек грустит.
«А все-таки паша мне запретит
на дочери жениться...»
«Отчего?»
«Ну как смогу я убедить его,
что ты — мой пленник? Скажет, это ложь!
Ведь на своих ногах к нему идешь!»
«А что же делать?» — Кер-оглы спросил.
«Позволь, тебя свяжу я, что есть сил.
Вот, захватил я цепь и кандалы...
А ты молчи, как пленник, Кер-оглы!»

И Кер-оглы молчал. И одного —
тут повалили семеро его,
связали, водрузили на коня.
«Чем кончится все это для меня?» —
подумал Кер-оглы, но промолчал,
и конь его, спеленутого, мчал...
В пути немного времени прошло,

и Боюбек, вздыхая тяжело,
сказал: «Хоть шутка наша хороша,
все ж не поверит мне Гасан-паша!»
И, замахнувшись, острием меча
лоб «пленного» он рубанул сплеча.
Согнулся от удара меч. Ему,
казалось, было стыдно. А тому,
кто поднял меч неправый подлеча,
стыд не ожег пощечиной лица!

Тут Кер-оглы разгневался вконец.
«Так на добро ответил ты, юнец?
Так вот какой подарок преподнес
ты мне, лукавый, нечестивый пес!..»

АЗЕР

Мой пленник, подумал я, тоже —
наследник того Боюбека.
А я-то ведь верил, что может
понять человек человека!
Огня не разводят на месте
печального пепелища.
Кинжалом безжалостным мести
того, кто повержен, не ищут.

Я будто бы умер и снова
родился, и с рвением усердным
усвоил — жестоко, сурово:
нельзя быть к врагу милосердным!

Вторая глава

НА УКРАИНЕ

К Украине, к Украине!
С сорок первого — поныне
синь днепровских вольных вод
песню горькую поет.
Чужеземец топчет поле
Украинской древней воли,

и шевченковской строке —
слезы проливать в тоске.
Небеса от слез промокли,
соловьи в садах умолкли...
Разве внуки Физули
это вынести могли?
Мы пришли к тебе на помощь.
И, как мать, ты нас запомнишь.
В чаще сумрачной лесной
мы прорыв готовим свой.
Под осенними дождями
заповедными путями
в рейд разведчики идут...
Пни деревьев — там и тут,
как в драконьей пасти грубой
устрашающие зубы.
И повсюду здесь следы
нескончаемой беды.
На тропинках — гильзы, каски,
все — в кровавой красной краске.
Словно ужаса посты —
все деревья и кусты.
Тонет мир во тьме, как в бездне.
Красной шапочке не здесь ли
повстречался Серый волк?
Страшных сказок целый полк
за деревьями таится.
Что-то там, в глуби, творится,
на тропинках роковых,
среди деревьев вековых?..

Как опавшие листья, я мну
сапогами недели и месяцы.
Узнаю не по карте страну.
Города из учебников светятся,
попыхают соцветьем живым...
Как о них было мало там сказано!
Прохожу их и кланяюсь им,
с ними сердце теперь мое связано.
Грудь земли от осколков пестра.
Небо шквалом безжалостным выжжено.
То, что видел сегодня, вчера,
не затмит описание книжное.

Я иду по дорогам войны,
через села, вдоль улочек чистеньких.
Ни на картах, ни в книгах они,
неприметные, даже не числятся.
Возле каждого, в каждом — бой.
Бьем врага, выполняем задания.
Навсегда теперь с ними — мои
кровоточащие воспоминания.

РЯДОМ

Мы приближаемся к Днепру.
А враг еще силен.
Февраль... Мы мерзнем на ветру.
Лед тает. Треснул он.
И воды льются и бурлят.
Идет весны пора.
И — танки в бой, за рядом ряд,
у самого Днепра.
Снаряды в воздухе визжат,
и пуль — свинцовый душ...
К Правобережью враг прижат
кантатаю
катюш!
Два берега — как два врага,
клин между ними вбит.
Река не может в берега
вместиться —
и кипит.

Вода Днепра уже красна,
кровавый мчит поток,
в котором каждая волна —
кровавый лоскуток.
Где этих вод голубизна?
Ее дым черный стер.
Набила трупами война
днепровских волн простор.
Сближаются и там, и тут,
и посреди реки
все вместе, рядышком плывут
заклятые враги...

ПРИЦЕЛ

Ружье направив, терпеливо жду.
Враг спрятался в кустах.
Курок на взводе.
Мой путь через прицел ружья проходит.
На том пути мы все —
в одном ряду.

Я,
ты,
и он —
как человек один.
В одну мишень
все наши пули метят.
И это единение отметит
победа. Мы единством победим!
Одна мишень —
сброд, свора палачей,
единство чувств,
единство общей цели.
Здесь красочных, пустых словес не ценят,
пространных не бывает здесь речей.

И не прервется общей связи нить.
Един порыв солдата и поэта.
О, если бы потом единство это
во всех делах смогли мы сохранить!

Способны мы на все,
и нам дана
вся прямота пути к победе нашей,
ни в чем нам никакой разлад не страшен, —
ведь родина у всех у нас —
одна.

Я родиной бессмертною горжусь,
я никому не дам ее в обиду,
с любим врагом на бой кровавый выйду,
да и с самою смертью я сражусь!

Нет, никогда отчизна не умрет!
Ее грядущий день
велик и светел,
и ей сегодня дарит тот бессмертье,
кто жизнь свою в сражение отдает.

Смерть? Что она!

Я смерти не боюсь,
боюсь, как все мои солдаты-братья,
жизнь дешево свою врагу отдать я,
и вправду не на жизнь, а на смерть быюсь!

...Враг спрятался в кустах.
Курок на взводе.
Ружье направив, терпеливо жду.
Как вечность, час.
А сколько их — в году!
Наш путь
через прицел ружья проходит.

КУСОЧЕК САХАРА

Бои... Они врагу не по нутру.
Его мы гоним,
гоним неустанно!
В Каховку ворвались мы поутру.
Брожу селом, в груди таящем рану.

Вдоль мертвых улиц скорбные дома.
Здесь каждый камень придавило горе.
И, словно это ходит смерть сама,
мелькают тени в глубине подворьев.

Я в дом зашел. Давно погас очаг.
Ржавеет утварь, развалилась кладка.
Пустые лампы даже не чадят.
Столы без хлеба и без теста кадка.

Двух малышей заметил я в окно.
Как старички, походкою усталой
идут, о детстве позабыв давно.
Один — годочков трех, в пилютке старой.

Я подошел, поцеловал его
и по головке старшего погладил.
Сказал: — Не бойся, милый, ничего.
Мы ведь свои, мы не чужие дяди!..

И слезы я удерживал с трудом,
от них себя на фронте отучивший.
Нашел кусочек сахара в своем
бывалом вещмешке —
и дал мальчишке.
Он взял его, одолевая страх,
и все ж ребенку было непонятно,
как быть с ним... Повертел его в руках
и возвратил мне сахар мой обратно.
А старший брат с улыбкой посмотрел
на младшего — и говорит печально:
— Он в жизни еще сахара не ел,
не пробовал еще мой братик чая...
И я тогда заплакал, сам не свой,
и, хоть всего на фронте навидался,
впервые плакал на передовой
и спрятать эти слезы не пытался.
Над нами дымный небосвод дрожал,
ветра заупокойно голосили...
Был взгляд мальчишки острым, как кинжал,
который прямо в сердце мне вонзили.
Казалось, смотрят сирые дома
жестоким взглядом горя без предела.
А может, это родина сама
его глазами на меня глядела.

ПИСЬМА

Листочки писем, сложенные дома,
весомее классического тома!
Их в холоде окопа развернешь —
и мирный день с его теплом вернешь.
Возникнет голос родины, и песня
в твоей крови, в твоей душе воскреснет,
и нет траншей, нет выстрелов, врагов,
и пышет жар родимых очагов!
О, крылышки со штампом — этих писем!
От них солдат так трепетно зависим.
При солнце их читает,
при луне,
и наизусть бормочет их во сне.
И каждый раз он открывает снова
смысл каждого затверженного слова.

Суть фраз перетолкует так и сяк,
заметит каждый маленький пустяк,
и даже, хоть и зрение измучит,
все на конверте штемпеля изучит.
Там даты и названия городов...
Он окрыленно их твердить готов.
И нежною любовью имя ранит
Баку или Шеки и Ленкорани.
Приходят письма...
С маленьких листков,
с бумажных тех отважных лепестков
ты, родина, в окоп приходишь к нам
и называешь всех по именам.
Приходят те, что смотрят на дорогу,
те, чьи сердца набатно бьют тревогу.
Терпенье их иссякло, может быть,
но это надо: ждать, терпеть, любить.
Солдат вдохнет родного края воздух,
припомнит небо детства в ярких звездах,
в окопе задымил очаг родной,
дохнут сады забытою весной...
Да, с маленьким клочком бумаги серой,
отправленным на фронт с великой верой
в победу, входит сила в сердце так,
что — трепещи пред нами, подлый враг!
Угрюмый вечер. Сыро. Дождик каплет.
Пишу письмо.
Что в нем сказать
и как мне?
Что мысленно ловлю снарядов вой
своей от них гудящей головой...
Что ждет атака завтра...
«Мама, здравствуй!
Письмо из дома получил как раз я.
Я жив, здоров...»
Атаки трудной ждем.
Снег повалил напололам с дождем.
«Вы не тревожьтесь, если запоздает
мое письмо...
Так на войне бывает.
И это — жизнь.
Ты говорила: в ней
недолго длится время скверных дней...»

Сырой окоп. Метет в лицо из мрака.
А завтра будет трудная атака.
Быть может, это мой последний сказ,
последнее письмо... В последний раз
пишу домой. И, может быть, когда там
письмо мое прочтут, гордясь солдатом,
я буду мертв. Умолкнет сердца стук.
Да...

Но сейчас и мрак, и тишь вокруг.
Еще на месте мои ноги-руки
и голова, что думает о муке,
которой и в помине нет пока,
о смерти, что еще так далека...
Зачем о смерти думать?
Нет причины
для этих мыслей мрачных у мужчины!
Сырой окоп. И снег с дождем идет.
И трудная атака завтра ждет...

ДОРОГИ

В полки нас суровые будни сводили,
мы ротами головы в битвах слагали.
Не только дорогами мы проходили —
мы шли через дни, через годы шагали.

Мы были преградою вражеским ордам,
самой своей жизнью с пути их сметая.
И вот наконец-то мы — в сорок четвертом.
Прекрасное время, весна молодая!

О, эти дороги, где камушек каждый
изранен, где каждая рытвина стонет!
Уведшие нас и от родины нашей,
и от материнских горячих ладоней.
Дороги, вы помните нашу усталость.
Навек ваша пыль ядовитая — в горле.
Нас столько на этих дорогах осталось!
А сколько сапог мы на них поистерли...

Мы шли, а они безучастно молчали.
И жаждать сочувствия было излишне.
Дороги не видели нашей печали,
биенья сердец не желали услышать.
Дороги, вас тоже изранили взрывы,

и вам ничего не поставлю в вину я,
хоть самые страстные наши порывы
разбиты о вашу тоску ледяную.
Мы здесь свою совесть и честь защищали.
И матери наши глядели в тревоге
на вас, что для нас, для солдат возвещали
начало всей долгой военной дороги.

Дастаны на наших устах не растают,
и память не раз наши души окликнет.
В покое мучения нас не оставят,
от кожи дорожная пыль не отлипнет.
Нас грозные будни кромсали, гранили,
и все ж мы святой не нарушили клятвы,
и веру, и чувства свои сохранили
на этих военных дорогах проклятых!
На этих дорогах замерзнув, отчаясь,
учились себя пересиливать сами.
На этих дорогах с друзьями встречались,
на этих дорогах прощались с друзьями...

Наш путь боевой был непрост и извилист,
но с думой сыновней о светлой отчизне
за правое дело с врагами мы бились,
и стал для солдат он дорогою жизни.

ТЫ ИЩЕШЬ ЦВЕТЫ

Соловей запел в чащобе мгlistой,
юных зорь сладкоголосый друг, —
и улыбка озарила лица,
и преобразилось все вокруг.
Голос песни той непобедимый
нас заставил головы поднять.
И солдат припомнил дом родимый,
сад у дома, ласковую мать.

— Соловей, сейчас молчать уместней.
На полях израненных не пой!
Больно от твоей весенней песни
тем, кому идти в кровавый бой.

Звуки песни нас не обманули.
Битвой исковеркана весна.

Наша песня — визг летящей пули.
А твоя — на фронте не нужна...

Обошлось с землею время круто,
Так о чем так упоенно — ты?
Мины на полях взошли, как будто
первые весенние цветы!

Погоди, певец, наивный, странный!
Ищешь ты цветы... Их нет как раз.
Ты за маки принял наши раны.
Не терзай ты ни себя, ни нас!

ЭНВЕР АЛИБЕЙЛИ

Час назад был бой.
И вот затишье.
Гром орудий слышится вдали.
Отстреляв, стихи в землянке пишет
наш поэт Энвер Алибейли.

Для стихов особых нет условий.
Ненадолго день армейский тих.
Ритм стихов он в ритме взрывов ловит,
жаром сердца согревает стих.

Человек — спокойный, мирный, кроткий...
Я о нем иначе — не могу.
Но ведь это он — прямой наводкой
яростно стреляет по врагу!

Мало ли, каким он был когда-то
там, в стране далеких мирных лет...
Бой... И нет отважнее солдата!
Кончен бой, опять Энвер — поэт.

Ритм стихов он в ритме взрывов ловит,
жаром сердца согревает стих.
Для стихов особых нет условий.
Ненадолго день армейский тих...

«Я от пули защищаю грудью
все, что счастьем к нам придет потом.
Из землянки этой,
знаю,
будет
мой большой, мой светлый, мирный дом!»

ОКОПЫ

Окопы,
траншеи,
засады,
посты...

Мы пишем историю вновь своей кровью.
С Россией вместе жестокой порою
мой Азербайджан прорывает фронты.
Сыны его бьются за отческий край,
сметая ненастье подобно лавине.
Окопы, сражения... Вот — магистраль,
которой история движется ныне.

Окопы — так время шагает, граня
страданием землю. Покоя — ни мига.
Окопы — глаза отлетевшего дня,
что смотрит в сегодня, истории книга.

Окопы — следы испытаний и бед,
бессчетные раны, как памятник бою.
Окопы — взволнованный времени след,
лицо, искаженное гневом и болью.

Окопы — земных мешанина страстей,
всех мыслей мятущихся землетрясенье.
Окопы — отважные крылья путей
из стужи страданий к надежде весенней.

Окопы — самой справедливости лик,
ко вражьему лику повернутый смело.
Вы — правды пылающий, гневный язык,
глас яростный, огненный правого дела!

НОВЫЕ ПОБЕДЫ

Чем мерить славу? Только лишь святой
оплаченной кровью правотой.
Вот так вели бои и так пришли
в Молдавию сыны моей земли.

Еще дороги наши далеки...
В Веронне древней собрались полки.
Решительные штурмы предстоят.
Внести в победу все должны свой вклад.

У каждого — свой путь, своя звезда,
но всех нас возвеличила беда.
Заняты с пополнением ведем.
Решающих сражений новых ждем.

Слились пути солдат — чертой одной —
в проспект пути дивизии родной.
И цель одна, и ненависть в груди,
и стяг победы реет впереди.

Зимою сорок пятого была
дивизия особенно смела,
упряма... Опрокинув силы зла,
ступить на землю польскую смогла.

Сияет Глузно, позабывший страх.
Все улицы в улыбках, как в цветах.
Четыре года здесь молчал Шопен,
но мы пришли, и нет тюремных стен!

Солдат, — светло призвание твое!
Свободе служат сердце и ружье.
А тех, с кем в смертный бой вступаешь ты,
встречает грозный гнев, а не цветы.

Пусть храбр твой враг, но задрожит рука
неправая, помедлив у курка.
Его героем разве назовешь?
Цена его победе — жалкий грош!

Чужое войско на земле чужой —
причина долгой горести большой.

А мы, забыв о причиненном зле, —
мы счастье принесли чужой земле...

Третья глава

НА НЕМЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Германия, Германия!
Отмщенье
свершилось, мы в предел вступили твой,
и нет деянья праведней, священной.
Повержена, с поникшей головой.
Несчастье стольких стран, стократно ими
ты проклята была, ты столько раз
своей рукой свое пятнала имя,
и столько слез исторгла ты из глаз!

Собой спалить хотела мир огромный —
сама горнишь,
сама — в своем дыму.
Мир на тебя ползет лавиной темной,
и нечего тебе сказать ему.
Глаза детей, тобой лишенных крова,
осиротевших по твоей вине,
преследуют безмолвно и сурово
тебя в тобой развязанной войне.
Идут, с тобой в безмолвном поединке
те граждане твои, что вдалеке
иным хотели видеть край родимый,
по новой светлой родине в тоске.
И движутся кресты могил бесчисленных
тобой убитых сыновей твоих.
Героями считаешь их еще ты,
но жертвами считать придется их.
Все раны — на тебя! — что нанесла ты,
все, что гнала, ломая и дробя,
все, что на свете дорого и свято,
все движется сегодня на тебя.

ИСТОРИЯ

В десятом веке был бандит Оттон¹,
сейчас — разбойник Гитлер. Связь прямая.
Из-за тебя
над всей планетой — стон!
Свои границы без конца меняя,
то крестоносцев ты в поход пошлешь,
то обречешь на гибель поколенья,
за дело чести выдавая ложь
войн семилетней и тридцатилетней.
«Великим» звал себя германский род,
и не нашлось кого-то, кто сказал бы:
«Нет, все не так, а все наоборот!
Довольно крови! Пусть умолкнут залпы!..»
Страдали Рим, Париж и Будапешт,
ты разрушала, устремляясь в дали,
руками оболваненных невежд
все, что другие в мире создавали.
Затоптаны тобой мечты и сны,
сотворены беды и смерти даты.
Но все равно оружием войны
расширить свои земли не могла ты.
В твои границы загонял опять
тебя твой враг, твою судьбу калеча.
История все возвращала вспять.
Вот вновь она твои сгибает плечи...
Орали короли твои: «Я, я!»
Разделом мира бредили всечасно.
Беда твоя, но и вина твоя,
что к стольким бедам в мире ты причастна!
Мир, может, и неверно поделен,
но — требовать за счет других раздела...
И даже Гейне... Издеваясь, он
напоминал об этом то и дело!
«Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем,
А мы — воздушным царством грез, —
Там наш престиж бесспорен.
Там гегемония нашей страны,
Единство немецкой стихии.

¹ Германский король-захватчик X века.

Как жалко ползают по земле
Все нации другие!»¹

Он не был беспристрастным, он хотел,
чтоб у тебя земли побольше было
и чтоб тебя, хоть твой высок удел,
земное провиденье не забыло.
Но тут же проклинает его стих,
который светом в море мрака станет,
жестокосердых деспотов твоих,
твоих сынов мученья и страданья.

«Угрюмые взоры слезой не заблещут!
Сидят у станков и зубами скрежещут.
«Германия, саван тебе мы ткем,
Вовеки проклятье тройное на нем.
Мы ткем тебе саван!»²

На силу уповала ты всегда,
не принимая вывод непреложный:
разрушит справедливость без труда
тот дом, что гнетом возведен и ложью.
Я здесь родился,
ты родился там.

Жить на своей земле спокойно дай мне!
Своей земли тебе я не отдам.
Ты — враг извечной воли созиданья.
Твой бунт напрасен. В бесконечность мчась,
проходит время, выпив жизнь до капли.
Любой народ — самой природы часть,
и, как она, в свои пределы вкраплен.
Так жизнь идет, и так наш шар земной
путем, не нами сотворенным, кружит.
И ты решил, Земли малыш грудной,
гармонию созвучия разрушить?
Но сделать невозможного нельзя.
Орех и рис скрестить мы не сумеем...
Велик ли сильный, слабому грозя?
Мы силу только силою измерим.
Не одного меня терзал вопрос:
да что ж это с тобою в самом деле?!
Не Вертер ли в самом себе возрос

¹ Из поэмы «Германия. Зимняя сказка» Пер. В. Левика

² Из стихотворения «Силезские ткачи». Пер. В. Левика

так, что не смог вписаться в бранный тел —
и лопнул!..

Нет земли? Не в этом суть.

Главенствовать! — твоею стало блажь.

Земли, воды, еще чего-нибудь —
всего всем хватит на планете нашей.

Земли нехватка... Тоже, велика
проблема! Здесь любой — такой работник!

И разума хватает, чтоб с вершка
собрать цветов, как будто с целой сотни.

Будь прокляты все фюреры твои!

Ты ими так печально знаменита.

Из рук творца не правые бои

сумели руки вытесать бандита.

Освоила искусство — разрушать,
чумы вселенской алчущий посредник.

Убить,

ограбить,

задушить,

зажать

весь шар земной в руке...

Какие бредни!

Бессмертен человеческий дух земли,

который твоя нелюдь ненавидит.

Нерон, Тимур с ним сладить не смогли.

У гитлеров и геббельсов не выйдет!

Бредовых сказок больше не хотим.

От них мы этот мир больной излечим.

Планете человек необходим,
способный греть сердца теплом сердечным.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Каждый гений — это мир страстей, работы.

Ураганом был Бетховен, бурей — Гете.

Из штормящих океанов возникали

эти души в их немыслимом накале.

Их любовь, их гнев — размером в мирозданье.

Им была подвластна тайна созиданья.

Но — такие гармоничные бы вроде, —
не вмещались ни в себе и ни в природе.

Как «Коварство и любовь» нам тут не вспомнить!

Этот бунт так много душ сумел наполнить.

Мысли Фауста — такой породы птицы! —
и в бездонном небе им не уместиться.

Потрясен Россией мир... В ее дыхание —

пламя времени, прикосновение к тайне.

Маркс и Энгельс... Голос их подхвачен споро:

эру новую им начала «Аврора».

Против века своего встал Маркс бесстрашный.

Солнцем нынешним стал этот день вчерашний.

Он «Авроре» дал заряд — важней нет вехи!

Но она заговорила в нашем веке.

Ты, Германия, ума и чувств мерило,

философией нам новый путь открыла.

Стал твой Маркс надеждой в каждом человеке.

Русла времени не изменить вовеки.

Почему же ты сегодня — враг идеи,

что нашла сама, душою молодея?

Проложив тропу, сошла — и нет в помине!

А тропа путем великим стала ныне.

И на ней неумолимою судьбою —

философия, что создана тобою.

На твоих «вождей», сметая оборону,

она движется — как саван похоронный!

ТОМАС МАНН

Веймар, запятнана слава твоя!

Родина гениев, где не тая

Страсти мятежной, как звезды впотьмах —

Виланд, и Шиллер, и Гете, и Бах!

Что же теперь с твоей звонкой судьбой?

Гарь Бухенвальда рифмуют с тобой.

Рядом с тобой на горе Этtersберг

встал он, тебя опозорив навек.

Веймар, он имя твое заклеил,

чистое небо твое задымил.

Странно, что здесь Бухенвальд возвели,

честь запятнав этой древней земли.

Город, чьи звезды сияли во мгле,

стал ты нечистым пятном на земле.

Здесь на горé воздух горем пропах.
Гете гулял здесь когда-то и Бах:
Сколько в них было добра и любви!
Внуки их руки умыли в крови.

Гете считал, что святого святей —
всех оградить от страданий людей.
Нынче, пощечину Фаусту дав,
людям грозит человек-волкодав.

«Высшую истину» Гете искал —
этим и дорог всем мыслящим стал.
В землю втоптал, растоптал божество,
истину, жалкий потомок его.

Гете твердил: выше разум людской
бога, закона и власти мирской.
Родина Фауста ныне — тиран
для потрясенных народов и стран.

Гордый Бетховен, искания дух!
Музыки вольный огонь не потух.
Раб только сердца, мечтатель, творец,
стал он царем человеческих сердец.

Он человека возвысить хотел,
наполеонов клеймил он удел.
Родина гения спеси полна.
Стольких с землею сравнила она.

Музыка в небо звала и вела.
Музыкой все становились дела.
Ныне на родине музыки той
топчет сапог каждый звук золотой.

Попрано небо. В концлагерь попал
не уместившийся там идеал.
Мерзость коричневой этой чумы
смыть не смогли до сих пор еще мы.

За гитлеризм, за звериную злость
Томасу Манну стыдиться пришлось.
Манн говорил: «Все мы, как ни смотри,
цивилизованные дикари.

Веймар — проклятием стал он сейчас.
Мир палача видит в каждом из нас.
Стали для мира позорным клеймом,
стали чумой в смысле самом прямом.
Нация мысли, деянья, мечты,
как же могла так унизиться ты?!»

...В прошлом далеком войны рубежи.
Но каждый немец, коль правду от лжи
он отличает, за отчий свой дом
невытравимым наказан стыдом.

Ганс Петер Шмиде,¹ немецкий мой брат!
Слово тебе предоставить я рад.
Слово — оно за тобою теперь!
Мы тебе верим, ты в это поверь.

Ты не забыл про минувшие дни.
Волею нации их прокляни.
Пусть только истина из-под пера
в мир народится во имя добра.

Старой Германии кончились дни.
Новая родина, славу верни!
В лагере смерти, где не людей власть,
в муках отчаянных ты родилась.

В тридцать седьмом Бухенвальд создан был.
Совесть задушена, сердце без сил.
Год со стенаний и слез начался —
будто стенала история вся.

Струны безжалостных дней теребя,
время само отрицало себя.
Плачет история, в горе склоняясь
к дате, где цифр безысходная вязь.

Умные мысли горят на кострах.
Кровь превращается в пепел и прах.
Рухнули крыши, нет больше опор,
ливень беды краски радости стер.
Люди, какая на свете гроза!
Линзами страха прикрыты глаза.

¹ Переводчик стихов Б. Вагабзаде, живущий в ФРГ.

Перед тиранами падает ниц
правда, зажата железом темниц.
Слово случайное или же взгляд
стоили жизни самой всем подряд.

Названа светом крошечная мгла.
И обломали у мысли крыла.
Пляшут неволя с насилием вскачь,
а в стороне — справедливости плач.

Черное запросто белым зовут.
Истину душит безжалостность пут.
Дух бескорыстного братства убит.
Время застыло и будто бы спит.

Правит «Майн кампф» — новый бог, страшный сон.
Старая вера сменилась на стон.
Ад человеком самим сотворен
для человека — такого, как он.

Книга «Майн кампф»... Что в ней, в этот борьбе?
Что от нее — мне, ему и тебе?
Цель палача, чья ужасна вина,
сделала целью своей вся страна.

Там подлежащее — ненависть, злость,
каждый глагол — выстрел в сердце насквозь.
Буквы в той книге — как сотни смертей
для матерей, для влюбленных, детей.

Знак препинания каждый пропах
кровью, там все говорит о гробах
и о костях, на которых взойдет
«избранный», прочих поправший народ.
С дикого бреда «Майн кампф», — не забудь! —
эта война начинала свой путь.

УЗНИК БУХЕНВАЛЬДА

Один земляк в дивизию вступил —
в обмотках и в одежде полосатой.
Узнали мы,
что он майором был,
что воевал
и в плен попал проклятый.
— В Дахау был и в лагерях других.

Жив, значит — на судьбу поди, посетуй!
Такого я понагляделся в них!
И в Бухенвальд был брошен напоследок.
Как шкуру полосатую одел,
все изменилось, кажется, навечно.
Хотел того я или не хотел,
а потерял свой облик человеческий.
Любой из нас
дешевле спички был.
На бунт, протест
бессмысленно решиться.
Мы стали безмянными,
как пыль,
простая пыль под сапогом фашиста.
А после пронумеровали нас.
Я — «тыща триста семьдесят».
Покамест
жив буду,
не забуду этот час!
Вот по каменоломне, спотыкаясь,
бредем...
Надежды голос в нас зачах.
Измученные, голыми руками
мы рушим скалы,
носим на плечах,
истертых в кровь,
все камни, камни, камни...
С рассвета каждого из беспросветных дней,
бессчетными, тягучими часами
мы начинали жизнь среди камней,
срастались с ними,
каменели сами.
Болели руки, словно от оков,
о камни разбивался вопль стенанья.
Чернели камни,
как сердца врагов,
и слезы были тоже — камни, камни.
Ругали, понукали нас они,
надсмотрщики, что вечно были рядом.
И в эти нескончаемые дни
мы стали страшным бессловесным стадом.

Слились в одно утра и вечера,
и не понять, в конце ты или в начале,

не отделить сегодня от вчера,
едины муки, и одни — печали.
В бараках спим, одну еду едим,
как в стойле скот... Вот до чего я дожил.
Острижены, похожи, как один,
но на людей нормальных не похожи.
Я разучился думать, понимать,
нет, я не человек по всем приметам!
Неужто у меня отец и мать
и родина
есть где-то в мире этом?
И есть родной народ
и отчий кров?
Кто я, ответьте!
Коль неправ, поправьте!
Я — вроде тряпки для мытья полов,
измызанной и рваной, грязной тряпки!
Имеет человек права, и он
живет в их измеренье, в их пределах.
А я, как ни крути, со всех сторон —
не «кто», а «что»,
я — «что» на самом деле!

Ты в лагере — как вещь,
и не твой —
улыбка, слезы, труд, дыханье, мысли,
что ни отдай
и что ни утаи, —
все не твое, ты слышишь?
Так уймись ты!
Все не твое: и жизнь твоя, и честь,
и совесть, и сердечная надежда,
и даже то, что у тебя лишь есть, —
вот эта полосатая одежда!
И даже если, бедный, ты умрешь,
не скажут: человек такой-то помер.
И в смерти этой тоже будет ложь.
Отметят, что скончался некий номер.
Окончен путь печали и тщеты.
Нет больше ни мечты твоей, ни горя.
А после смерти попадаешь ты
на «кухню Вилли»,

это — крематорий.

Сжигают труп.
И обо всем молчат.
Кем этот номер был —
навек забыли.
Без остановки источает чад
котел проклятый адский,
«кухня Вилли!»
Окончена дорога бытия.
Ты — горстка пепла,
вот что ты такое!
И станет только смерть — увы! — твоя
дорогою к свободе и покою.
Не остывают печи. Ввысь летят
из труб кирпичных дымовые флаги.
Вдыхают стены страшный, адский чад,
и копоть черной краской мажет лагерь.
Как выдержали стены эту жуть?
Как вынесли людские вопли, стоны?
Как не сумели небеса задуть
огонь, спаливший жизнью миллионы?!
Как пережили стены этот страх,
не виданный, не слыханный веками!
Железо бы растаяло, и в прах
рассыпался бы самый крепкий камень!

Огонь огню лишь вынести, — увы! —
стон — стону, — им не отыскать замены.
Не из железа, не из камня вы, —
из слез и стонов, лагерные стены!

Судьба, ты, может, дни мои продлишь!
Я понял там, где мига жизнь короче:
для счастья человеку нужен лишь
кусочек хлеба, лишь воды глоточек!

...Мой соседом бард немецкий был.
И он и вправду прожил жизнь поэта.
Борьбе с фашизмом
отдал весь свой пыл —
и в Бухенвальд препровожден за это.
Из честных, не смирившихся натур...
Его убили.
И содрали кожу.
И сделали из кожи абажур —
фашисту в дар.

Писал стихи он тоже.
 Считал, что власть фашистская — навек.
 И необычным был польщен подарком.
 «Да здравствует, — писал он, — человек!» —
 при свете из-под абажура ярком...
 Я столько раз с горевшими сгорал!
 О, как, в пространство вперясь ждущим взглядом,
 завидовал я тем, кто умирал
 там, на фронтах, — с товарищами рядом!
 Как я молил злосчастную судьбу,
 чтоб жизнь мою, как свечку, не задули,
 чтоб я не, уподобившись рабу,
 исдох в бараке, а погиб от пули!
 Меня друзья похоронить могли б,
 и умереть мне было б не обидно.
 Коль знает человек,
 за что погиб,
 тогда уж не ему, а смерти стыдно!

ЗА КЮСТРИН

Одер мы форсировали.
 В гуще я
 всех событий в этой грозной драме.
 Вот — дорога, на Берлин ведущая.
 словно крепость,
 Кюстрин перед нами.
 Бьются не на жизнь его хозяева,
 но к запретным рубежам все ближе мы,
 и двенадцатого марта взяли мы
 Кюстрин,
 жаждой яростно подвижны.
 «Панцер Фауст»!
 Эту весть последнюю
 раструбила пропаганда вражья.
 Черной смертью
 Фауста наследники
 снова мир бесстыдно ошарашат.
 Убивать —
 убийственная мания.
 Ей себя не смей увековечить!
 «Панцер Фауст»!

Устыдись, Германия,
 не меняй на низость человечность!
 Будешь ты вовеки виноватою,
 в прах втоптав весенние цветы.
 Этой реактивной гранатою
 гения творенье топчешь ты.
 Из каких противоречий соткана
 жизнь, где в непростой клубок свело:
 «Фауст» Гете звал к добру высокому,
 «Панцер Фауст» сеет смерть и зло!

НА БЕРЛИН

Берлин! Берлин!
 Он бодрствует.
 Он светом ослеплен.
 Весь на виду,
 упорствует
 и не сдается он.

В бинокль мы видим улицы,
 окопы, тупики.
 Твердыня атакуется.
 Фасады — на куски!
 Штурм, штурм!
 С вчерашним лозунгом
 у пушек на стволах
 вошли в Берлин, и грозно мы
 его повергли в прах.
 Бои идут стремительно.
 Все в саже и в пыли,
 вокзал Силезский видим мы,
 и к Шпрее подошли.
 Земля объята пламенем...
 Поднявшись во весь рост,
 боец Сардар со знаменем
 помчался через мост.
 Бежит в порыве пламенном,
 забыв, что рядом враг,
 и поднял в доме каменном
 победный красный флаг!
 И следом войско движется,
 земли родной сыны.

Успех к успеху
нижется
на нить большой войны.

Враг не сдается.
Долгому
сраженью нет конца.
Любой подвал —
как логово,
откуда —
град свинца.
Строчит, отмщенья жаждая...
Гром, грохот, скрежет, вой...
В домах окошко каждое —
центр точки огневой.

Война обезобразила
здесь все —
за пядью пядь.
...К Дворцу подходим кайзера.
Его нам надо взять.

ДВОРЕЦ КАЙЗЕРА

Германия, назвавшись рейхом третьим,
имперский вновь примерила венец...
Почти полсотни лет над миром этим
он издевался, кайзера дворец.

Хотя и сам свой светоч погасил он,
кичится мощью давнею, былой,
имперскую терять не хочет силу...
Но что от той поры осталось злой?
Лишь ненависть, и боль, и отвращенье.
Судьбой унижен будет без границ
и не заслужит никогда прощенья
тот, кто других повергнуть хочет ниц.

...На штурм подразделение Хасая
пошло чуть свет...
Но нет ему конца.
Отважных наступающих кромсают
бесчисленные пули из дворца.

— Пойдите! — говорит Вагаб. — Сумел я,
мне кажется, найти, что делать тут...
Есть тайный ход отсюда в подземелье.
Пусть тем путем разведчики пойдут!..

Назад тихонько отступает рота.
Хасай в уме прикинул, что и как.
Ход обнаружен. Во дворец ведет он.
Вагаб с друзьями двинулся во мрак.
В воде по пояс подошли ребята
к подвалу. Фонари в руках горят.
Бросает, как условились, гранату
Вагаб. И — взрыв! И — у дворца отряд.

Сражение в зданье. Все гремит, грохочет.
Нас потеснили... И — на приступ вновь!
В последний час нам уступить не хочет
империя. Смешались кровь и кровь.
Упал Вагаб. Случайной пули жертва.
К любимой не вернется он уже.
Как это тяжело, как горько это —
погибнуть на последнем рубеже!

Вагаб прошел по горам и долинам.
В кармане гимнастерки у него,
писавшего вчера: «Я жив!» — нашли мы
клочок газеты. Больше ничего.
Стихи Вургуна — там, как в сердце сына —
завет отца. Он их носил с собой,
три года от Моздока до Берлина
стихи Самеда шли в Вагабом в бой.

«Клянусь я рассвету — да верит он мне!
Клянусь я тебе, отчизна моя!
Я детям клянусь, погибшим в огне,
Клянусь их безвестным могилам я:
Все невоплощенное ваше в земле,
Но мы на земле — воплощенная месть!
Вперед, поколения! В огне и во мгле —
Вперед, чтобы в мир избавленье принести!»¹

¹ Из стихотворения «Город в огне». Пер. М. Петровых

Вагаб три года с недругом проклятым
сражался и великой верой жил,
вооружен не только автоматом,
но и стихами, что Самед сложил.
Пробита грудь Вагаба... Это стало
той болью, что терзает грудь мою,
что в ней горой Кашкар упрямо встала.
Не плачьте, горы, — высоко стою!

Огонь души меня сжигает, гложет —
и не согнусь я в штурмовом аду.
Дороги, обо мне не плачьте тоже!
Прошел вас честно и еще пройду.

В трагедии житейской каждый должен
свой долг исполнить до конца в свой час.
История, победою итожу
наш путь, — я, твой Наби, я, твой Эйваз!

Сегодня по путям беды и чести
в Берлин пришел и мой Азербайджан.
Ликую и пою со всеми вместе
я, твой Тебриз, твой Карабах, Ширван!

БРАНДЕНБУРГ

Наконец-то и я их увидел:
подпирая собой небосвод,
здесь, на улице Унтер-ден-Линден —
пять колонн Бранденбургских ворот.
Словно чьи-то грядущие беды,
мощный свод их над улицей встал.
Колесницею бога победы
триумфально увенчан портал.
Эти кони — империи прихоть.
Украшая мятежные дни,
они могут до неба допрыгнуть,
до победы доскачут они.
И отсюда всходить солнце будет,
и пойдут мимо этих ворот
покоренные, бывшие люди,
в рабство брошенный пленный народ.
Это статься могло бы и с нами.

Только сказочке этой — конец.
На воротах горит наше знамя —
как знаменье,
как алый венец!

Отместили мы хищному волку,
небывалый свершен поворот,
и запомнится миру надолго
этот миг в жизни древних ворот.
Площадь, где проходили парады,
где решалась эпохи судьба,
и сама себе, вроде, не рада,
и клянет, проклинает себя.
И ворота стыдятся как будто,
светлым майским придавлены днем,
и завидуют знамени, круто
в высь летящему алым огнем.
Что, ворота, теперь вам приснится?
Развалилась империя зла.
Что ж ты сбилась с пути, колесница?
Что в дороге своей обрела?
Что ты можешь ответить, итожа
путь разбойный в грязи и в крови?
Триумфальной зовешься... И что же?
Где триумф,
где победы твои?!

ПОБЕДА

Сказали: «Победа!»
А я не поверил,
что мы задушили свирепого зверя,
что эти четыре измучивших года
окончены. Переменилась погода!
Услышал я: «Мир!» —
и вокруг посмотрел я.
Услышал: звучат соловьиные трели.
Не знаю я, как в эту тайну проникнуть:
я к смерти привык...
Как мне к жизни привыкнуть?!

Сказали: «Победа!» —
и слез не сдержат мне.
Смеются вокруг мои храбрые братья.

друзья боевые...
А мне не до смеха.
Победа, ты —
горя великого веха.

Товарищи гибли,
всех близких роднее,
и здания рушились...
Но на войне я,
в сравнение с которой
все худшее — благо, —
я только всего лишь два раза заплакал.

Впервые — малыш мое сердце растрогал.
И нынче — от счастья, от радости строгой.
Глубок тот родник, глубоки те истоки,
что слез благодатных питают потоки.
Та мудрость, что в ливнях весенних таится,
в осенних плодах золотых воплотится.

...Стол фюрера.
Здесь нетопырь твердолобый,
поставив его на фундаменте злобы,
тринадцать — подумайте! — лет
тупо, рьяно
нанизывал звенья кошмарного плана.
Проклятье и ненависть! —
к совести, к чувству,
к душе и к ее отражению —
к искусству.
Но сам,
призывая к разгрому, к убийствам,
стол фюрера
стал палачом ненавистным.
Стол этот обычный —
он чопорен, вежлив...
Он был гильотиной,
стрелял он и вешал!
Как четвероногий бездушный зверюга,
он в мир зашагал...
Застонала округа.
А Гитлеру снилось и верилось: скоро
признают, что стол его — мира опора,
он — центр мироздания...

И к Лондону, к Праге,
к Москве
шли от центра лучи по бумаге,
коварные стрелы ударов...
Отсюда
летела приказов безжалостных груда,
здесь фюрер безумный писал приговоры,
на мирных людей насылал свои своры.
Стол этот — начало
дней свастики черных,
Освенцимов и Бухенвальдов бесчисленных,
сиротства всемирного, слез материнских,
изломанных судеб, потерянных близких.
Стенные часы...
Эти стрелки вращались —
и целые страны в ничто превращались.
Но время расправилось с подлою стаей.
И стол, и часы
деревяшками стали...

ЭПИЛОГ

Матери ждали сынов домой,
а вместо них, любимых,
приходили письма с черной каймой,
вести о том, что убило их.

Угаснет надежды последний лучик, —
мать продолжает ждать.
Небо души затянут тучи, —
мать продолжает ждать.
Невесты выплечут слезы, устанут, —
мать продолжает ждать.
Ягнята старыми овцами станут, —
мать продолжает ждать.
Война окончена, ждать уже нечего, —
мать продолжает ждать.
Годы несутся... Но бесконечно
мать продолжает ждать.
Нет уже сил ожиданием жить, —
мать продолжает ждать.
В армию внук уходит служить, —
бабушка будет ждать...

...О, павшие за родину свою,
лишь начавшие жить! —
мы вас хороним,
мы братские могилы, плача, роем
и оставляем вас в чужом краю.
Где горсть земли родной
и где цветы?
Не суждены почетные аллеи.
Но вашей кровью утро заалевает
грядущей доброты и красоты.
И в день Победы
прозвучит салют,
с которым ваши голоса немые,
побед и бед наследники прямые,
себя, рождая мощный хор, сольют.
Итог трагичный — вашей жизни данность.
Да, выпало вам головы сложить,
и отдали за родину вы жизнь,
а родина в ответ — лишь благодарность...

А мы?
Что делать сердце нам велит
для родины?
Чем наши дни весомы?
Чего-то ждем все время от нее мы,
ну а за что у нас душа болит?
Что отдали мы родине своей
вот этими не слабыми руками?
На стройке положили хоть бы камень?
Хотя бы деревце взрастили ей?
В глаза ей глядя, не потупим взор?
Нас родина вскормила и взрастила,
а мы отважно бьемся за квартиры,
за личный пятикомнатный простор!
И только совесть подлежит суду
за то, что забываем мы порою
про все, что свято, —
упоенно строя
квартирный рай и рай в своем саду!
Начистоту давайте говорить,
давайте думать, как в цеху, на пашне,
езде, — что можем мы, во имя павших,
мгновеньем каждым
родине дарить!

Германия...
А ты не позабудь
урока, что войной тебе преподан.
Опять исподтишка,
бездарно,
подло
торит к войне бесславной кто-то путь.
Бессильны твои «панцеры», поверь!
Мир оккупируй песнею и словом,
и будет лед непониманья сломан,
и все сердца
тебе откроют дверь!

КАК СОЛДАТ...

Тебе, мой сын, тебе, Исфендияр,
я отдал имя дорогого брата,
в войне великой павшего солдата,
чтоб памяти о нем не потерял.
Он шел дорогой, по которой я
сейчас пером взволнованным плутаю.
Чтоб ожил он в тебе, мой сын, — мечтаю!
Пусть воплотит его вся жизнь твоя.
Ты лет его достиг.
Люби, сынок,
как он любил,
родную землю эту,
отдай себя добру, работе, свету,
живи, как он бы жить сегодня мог.
Тот, кто не любит, — мертв.
Земли сыны,
мы все душой влюбленную голубим,
рождаясь лишь тогда, когда мы любим,
а не тогда, когда мы рождены.
Пускай тебя возвысит, сын,
любовь!
Солдатом будь,
таким, который видит,
что из того, что начиналось, выйдет.
Смотреть... Да с этим справится любой!
А видеть —
тут особый нужен склад
души, нужда в особой есть сноровке.

И если видишь сквозь прицел винтовки
ты цель свою,
и вправду: ты — солдат.
И я — солдат стиха.
Твоим отцом
такая в жизни выбрана дорога.
Но, кем ни будь, —
работы в жизни много! —
солдатом в деле надо быть,
бойцом.
Хочу, сынок, чтоб, как солдат, ты жил,
чтоб только перед родиной своею
склонялся,
как солдат,
гордился ею,
чтоб для нее горел,
чтоб ей служил.
Хочу, что был ты этой доле рад,
чтоб был бойцом,
покуда сердце бьется,
и чтобы жизнь свою, когда придется,
сумел отдать отчизне,
как солдат!

КРЫЛАТЫЕ ПЕСНИ

Памяти Мусы Джалиля

Предо мною «Моабитская тетрадь».
Муки сердца,
возмужавшего в темнице...
Тяжело дневник страдания листать,
вместе с ним
любить,
печалиться,
гордиться.
И встает передо мной живой поэт,
отливавший муки в радость строк весенних;
и с улыбкой говорит,
что смерти нет,
что сильнее эти строки, чем застенки!
Сердце, самого нежнейшего нежней,
эту чистую поэзию рождало
и само училось
сильным быть
у ней
и в порыве вдохновенья трепетало.
Что ни день — то стих,
жемчужина...
Она
в каземате, где отчаянно и глухо,
на слезах и на отваге возвращена,
на борениях не сломленного духа.
...Я читал «Тетрадь».
Кричала боль с листа.
Я вникал в биенье пульса строк бессмертных.
И поблекли все счастливые лета
перед несколькими днями мук безмерных.
Я курил, курил... Смириться я не мог
с тем, что эта книга — свет звезды потухшей...

Я закрыл «Тетрадь» — и словно бы зажег
от души поэта собственную душу.

1.

В своих квартирах, в коконах удобных,
мы тоже пишем для себе подобных.
Молчит порою сердце дни, недели
и на «вчера» и «завтра» жизнь не делит.
И все стихи похожи друг на друга,
как эти дни безумного досуга.

Идут они,
проходят четко, стройно.

Жилье уютно
и душа спокойна.

Что нам — ветра, бушующие где-то!

Душа остыла,
плоть тепло одета.

Как часто, позабыв о смысле вышем,
лишь для того, чтобы писать, мы пишем.

Грудь подпирает стол в порыве спором.

Но чистый лист глядит на нас с укором.

Кого душа остывшая согреет?

Стих в миг рожденья своего стареет.

Хоть прокричи его кому-то в ухо —

к натужным строкам

будет сердце глухо.

Кузнец кует, справляется с металлом,
когда в печи от жара мягким стал он...

Так и стихи...

Кому нужны поэты,

чьи строки жаром сердца не согреты?

Свет, при котором создаются строки,

не лампы свет, а свет души высокий.

...Ты, жаждой созидания влекомый!

Знай, не нужны для этого хоромы.

Коль сердце полно, хоть запри в темницу —
и там заговорит и загорится.

Наполни сердце!

Если сердце пусто, —

ни убеждений, ни святого чувства, —

ты — как корабль в открытом, бурном море
без парусов и без ветрил, — вот горе!

Пусть плачет плакса,

льстивый — льстит...

Все верно.

Восходит солнце в небе неизменно.

Пробьется семя доброе сквозь камень.

И сердце, —

если любит, не лукавит,

хранит, как небо — дождевую влагу,

в себе свой мир, —

прольется на бумагу!

Но если пуст —

страшись листа пустого.

Не оживит его пустое слово.

Себя наполни, чтобы опорожнить!

Да будет так твой век счастливый прожит.

От пламени души — слезам пролиться.

И дарит свет словам порой темница...

2.

Мучительна, трудна судьба Джалиля.

Певец свободы, в рабство он попал

в стране, что миру Маркса подарила,

в краю, который миру Гейне дал.

Приговорили к смерти человека

бессмертного. В своем застенке он

остановил крутое время века

и жил — как будто среди всех времен.

Писать давно он начал...

Но лишь только

под топором нависшим палача

себя услышать он заставил столько, —

борясь, а не покорно жизнь влача.

И так в сегодня он шагнул из завтра

и встал над миром,

над эпохой всей.

Свои стихи он слышал в громе залпов

победного оружия друзей...

Дни шли.

Жизнь становилась все короче.

Поэт последний, смертный час встречал.

И в каждой новой песне, новой строчке

мгновения векам он поручал.

Он знал, что справедливости поможет

из бед и бездн своих, издалека,
и пусть себя спасти ничем не может,
удар по смерти —
каждая строка.
Сказал он: «Жизнь бессмысленна в неволе.
Одною лишь свободой счастлив я.
Жизнь без свободы мне нужна не боле,
чем бесконечный мрак небытия»...
И палачи свободу обещали,
сулили дни счастливые ему.
«Подумай!..»
Но напрасно улещали.
«Я кабалу-свободу не приму.
Я не хочу, чтоб мне рукоплескали
враги, затеяв хитрую игру.
Коль такова моя судьба людская,
и это счастье: с честью я умру».
...Двенадцать — братьев, узников — их было.
Для них едино жизни свет погас.
И родина сердца их укрепила,
соединив в одно в последний час.
На прочность жизнь испытывает дружбу.
У самой крепкой — путь особо крут.
Бывает так: двоим на свадьбу нужно
идти... Никак друг друга не найдут.
Условились — да не смогли собраться...
А тут, не сговорившись ни о чем,
пошли на смерть товарищей двенадцать,
надежно подперев плечо плечом.

3.

Больше года писал он в застенке угрюмом.
И о завтрашнем дне нескончаемо думал.
За стеною тюремщик вышагивал четко.
Ритмом строк отпечатывалась походка.
Караульный, задачей простой озабочен,
то и дело гадал: «Что там узник бормочет?»
...Может, где-то сейчас он Джагилия читает,
тот тюремщик, — и прошлое рядом витает.
Но не знает в невольном волненье глубоком:
у него эти строки писались под божом.
Он Джагилия стерег, тряс своим автоматом,
но, конечно, не ведал что мыслям крылатым

не поставить препоны, что им — не преграда
ни охрана, ни стен этих толстых громада.
Караульный не знал, что усилия тщетны:
зря несет караул, зря старается честно.
Звук пустой стережет, оболочку поэта,
ну а сущность его далеко уже где-то.
«Неужель посмеется судьба надо мною?
И не сладить стихам моим с этой стеною?
Если строчки мои уподобятся праху,
если смерть суждена им — умру я и вправду.
Если выйдут на волю — спасусь с ними вместе...
О, летите,
спешите,
крылатые песни!
Отнесите на родину скорбные вести.
Вы — мое продолженье,
крылатые песни!
Просчитался мой враг, он, поверженный, — в бездне...
Жизнь моя стала вашей,
крылатые песни!»
...И летели крылатые песни Джагилия,
и врагов, словно меткие пули, разили.
И на родину — звездным большим караваном —
эти песни пришли по дорогам и странам.
Эти песни поют о борце и поэте.
Он рождается вновь в каждом новом рассвете.
В бой ушел, как солдат, жизнь спасая собою
в своих песнях назад возвратился из боя.
И считали бы мертвым его мы напрасно
Не простился он с миром,
а сказал ему: «Здравствуй!

В звезды я превращусь...
Каждый вечер луною
буду в небе гореть над страной родною...»

Ну что за жизнь! Как пропасть в черных тучах.
Просвета нет. И кто же виноват?
Досталась мне судьба из наихудших —
Отец мой беден был, а не богат.

Мне с первых дней удача не светила,
Ох, для меня у бога не хватило
Не только денег... Даже красоты!
На бедняков плюет он с высоты.

Моя подруга Мери, та — красотка!
Глаза, ресницы!.. Ноги так стройны!
И нос прямой, и плавная походка,
И губы, словно ягоды, красны!

Порядочная девушка к тому же.
И ни о ком она не скажет хуже,
Чем есть на самом деле. И не льстит.
Не хнычет. И соседей не честит.

Ни слова лжи ни разу не слетело
У Мери с губ.
Душа ее была
Не менее прекрасною, чем тело,
В котором чистота ее цвела.

По-доброму завидовала Мери
Тому, как я пою...
И свято веря
В мою удачу, говорила мне,
Что будет солнце и в моем окне.

И я по-доброму завидовала Мери.
Такой вы не видали красоты!
Из бедняков. Но бог, по крайней мере,
Ей подарил небесные черты.

Всех юношей она очаровала!..
А я?
За что же мне так счастья мало?
Ни красоты, ни денег...
Как назло.
В любви тогда мне тоже не везло.

Ведь мой сосед, его Рудольфом звали,
Не обращал вниманья на меня.
А в жизни я кого-нибудь едва ли
Сильней любила!..
Глубоко храня

Свою любовь и тайную обиду,
Конечно, я не подавала виду.
Но плакала...
Ведь я же — не урод!
Он мог бы и кивнуть мне у ворот!..

Портной сказал, что скроена я складно —
Грудь высока и талия узка.
Он прав. Но почему так беспощадно
Ко мне прилипли бедность и тоска?

В моих несчастьях мама виновата,
Она молила господа когда-то:
«Прибавь ей счастья, господи, хоть ты!
Прибавь — за счет хотя бы красоты!»

Ах, не родись красивой, а родись счастливой...

И бог убавил красоту отчасти,
Но счастья он забыл прибавить мне.
В итоге нет ни красоты, ни счастья...
И нет у многих — по его вине!
Ну что сказать об этом старом болтуне?..

II.

Ах, могу ли не вспомнить, как в те времена
Я безумно в Рудольфа была влюблена!
Свет сошелся на нем! Мысли — только о нем!
Сны — о нем!.. Нет покоя ни ночью, ни днем!

Как сверкала медаль у него на груди —
Всем ребятам на зависть! В далеком краю,
Во Вьетнаме его генерал наградил
За геройство, солдатскую храбрость в бою.

Под балконом Рудольфа, туда и сюда,
Сотни раз я на дню проходила тогда.

Не взглянул он ни разу... Взаимности нет!
Я была для него посторонний предмет.

Но зато по соседству, худая как палка,
Проживала в то время колдунья-гадалка,
Женихов ворожила девицам она
И была в этом деле, как дьявол, сильна!

Любопытство мое распаляли примеры
Чудотворства ее... И однажды тайком
Забрела я в гнездо этой старой химеры,
Чтобы выложить душу свою целиком.

Ну так знайте! Легко по глазам человека
Даже самую тайную боль прочитает,
Потому что страдающий — словно калека!
И гадалка себя не заставила ждать:

Поглядев на меня своим опытным глазом,
Вмиг она изловчилась мне выложить разом
Все печали неопытной страсти моей.
Безнадежность наивных любовных затей.

Стала я умолять:
— Помоги мне, гадалка,
Неужели тебе человека не жалко?
От несчастной любви я могу умереть!
Дай спасенье! Скажи мне, как действовать впредь?
Дай мне верное средство от этой напасти, —
Пусть ко мне восплает предмет моей страсти!
Дай волшебное слово, любовный напиток,
Чтоб избавить меня от мучительных пыток!

Усмехнулась гадалка:
— Увидишь сама,
У мужчин в голове — маловато ума.
Все их мысли — в глазах.
А сердца их — мертвы.
Лишь глазам своим верят мужчины, увы!
Лишь глазами они выбирают невест.
Любит девушку парень — глазами он ест!

— Это правда! — сказала я, горько вздыхая.
Он красивую ищет, а я — не такая.

Снизу вверх на меня поглядела старуха,
И сказала она деловито и сухо:
— Из тебя я красавицу сделаю быстро.
— Из меня?..
Разве можно?..
Я так неказиста!
Если в силах такое творить волшебство,
Значит, ты — божество, божество, божество!

— Слушай, Эмма! Еще не додумался бог,
До чего человек уж додуматься смог.
Бог не любит подвоха. И первым он делом
Создал черное — черным, а белое — белым.
Человек же придумал различные маски,
Грим, румяна, помаду и прочие краски.
И придумал такие очки человек,
Чтобы черное виделось белым, как снег,
А зеленое — розовым, белое — черным...
Всё под силу, голубушка, людям проворным!
Бог бесхитростен, а человечек хитер
И на хитрости этой бока пообтер.
Знай, что хитростью можно поймать хоть кого,
Даже льва! И, по-моему, не одного!..

— Говори же скорей! Говори же понятней!
Что мне нужно, чтоб сделаться краше, приятней?
— Много черных очков! — прошептала она.
— Непонятно... Носить я их, что ли, должна?
— Нет, не ты... Те, кто будут, голубушка, впредь
О твоей красоте повсеместно греметь.
— Ну и что же потом? — я спросила наивно.
— Если слушаться будешь меня непрерывно,
Королевой объявят тебя Красоты!
«Мисс Америкой» станешь на конкурсе ты!

Я пошла хохотать — аж до колик в желудке!
Я решила, что это — старухины шутки.
Но колдунья в сердцах прошептала тогда:
— Смейся! В нашей стране хохотали всегда
Над пророческим словом, над словом правдивым.
Смейся! Все, что случится, покажется дивом! —

Это диво случилось... и в том же году!
Но какое же слово имела в виду

Та гадалка, что мне напророчила диво,
Утверждая, что данное слово правдиво?
Где же правда,
Когда некрасивы черты,
А тебе присуждается приз Красоты?
Где же правда,
Когда красоту попирают
И за якобы сверхкрасоту выбирают
Королевой
Совсем некрасивую деву?

Но она превратила меня в Королеву,
В «мисс Америку», старая эта колдунья,
Доказав, что она — совершенно не лгунья.
Ложь за истину выдать — да это же сплошь!
Точно так же, как истину выдать за ложь!
Это в нашей стране повелось испокон,
И такие дела поощряет закон!

— Уж свои-то я знаю возможности, Эмма,
Твое счастье летит не по дням, по часам.
Хорошо мне знакома вся эта система,
Все ходы ее тайные, путь к чудесам.
Ну, конечно, дитя, ты — отнюдь не красotka,
Но для кое-кого ты довольно мила.
В этом я разбираюсь умело и четко
И вести обожаю такие дела!
Никогда я не вру и хвостом не виляю,
И твою привлекательность в дело пушу:
Я ее обкатаю, потом обваляю
И для кое-кого в красоту обращу.

Говорила она убежденно и с чувством.
И сердечность какая-то в этом была.
Я же с детства к ее чародейским искусствам
Сильной верой прониклась и чуда ждала.
На моих ведь глазах помогла она многим
Засидевшимся в девках дурнушкам убогим
Приманить симпатичных мужчин ворожкой.
Ей на месте моем бы поверил любой!

III

В общем, дело свои завертело колеса.
И старуха пошла надо мной колдовать.

Парикмахер шикарный, прищурившись косо,
Начал стричь меня, красить, шерстить, завивать!
Лишь закончил мой он развешивать кудри,
Косметичка, как птичка, впорхнула ко мне.
Через час я была уже в гриме и в пудре, —
Губы, щеки пылали, что угли в огне!
Нос — гораздо короче, ресницы — длиннее,
И другое совсем выражение лица.
Чудеса да и только! От счастья пьянею
И готова глядеть в зеркала без конца.

А потом прискакал молодой и веселый
Сочинитель костюмов, художник смешной:
Должен видеть меня обязательно голой,
Чтобы тут же заняться, как следует, мной!
Грудь измерил и талию, бедра и шею,
Зад измерил, а также измерил перед,
Руки, ноги, и спину, и то, что под нею, —
На бумажке считает, на память берет.

Дальше все получается, как в кинофильме...
У старухи-гадалки, в особый черед,
Я встречаюсь с хозяином мебельной фирмы,
Он целует мне руку — и взглядами жрет!

Я его моментально узнала. Он тоже:
— Мы, однако встречались...
Но где? И когда?
— Это было полгода назад или позже,
Приходила я к вам наниматься.
— Ах, да-а-а!..

Старичок засмеялся.
От этого смеха
Докатилось из памяти давнее эхо,
Ничего б не сказало оно никому —
Только мне и ему!.. Только мне и ему!..
...Я пришла на работу к нему наниматься.
Оглядел он меня из-под толстых очков
И почтительно встал, чтобы мной заниматься, —
Подчеркнув, что из вежливых он старичков!

Я ему говорю, что нужна мне работа.
Взглядом он раздевает меня догола,

Старичок похотливый!.. От этого рвота
К горлу мне подступила... Такие дела!..

Он почтительно выслушал просьбу мою,
И внесла секретарша две чашечки кофе.
Чувство было такое, как будто стою,
Как преступница перед толпой, на голгофе.

— Пейте! — он говорит. — Был бы очень я рад
Предложить вам работу, приличный оклад,
Но сейчас, к сожалению, идет увольнение
И на фабриках наших большое волнение.
Да, терпенье, терпенье, моя дорогая,
И со временем будет местечко для вас...
А пока — бескорыстно я вам предлагаю
Чек для банка... считайте, что это — аванс.
Справедливо ли девушке, столь миловидной,
Не иметь ни гроша, прозябать в нищете?
Человек я, как видите, честный, солидный,
И не дам погибать молодой красоте.
На меня вы рассчитывать можете смело! —
Он сказал, этот чек предо мною держа.
Я смекнула, чем пахнет подобное дело,
И пустилась бежать — как коза от ножа!
А потом я узнала, что бедная Мери
Постучалась однажды в те самые двери,
Дать работу просила она старика, —
Тот же чек протянула ей та же рука!..
Те же были слова, похотливые глазки...
Мери в ужас пришла и для полной развязки
Похотливую рожу огрела плевком!
А гадалка свела меня с тем стариком...

— Что за грязные козни? Зачем ты сегодня
Позвала меня вечером, старая сводня?
Ты одно обещаешь, другим совращаешь?
Им — меня, или мною — его угощаешь?

Усмехнулась на это старуха-колдунья:

— Зря ты, Эмма, бушуешь!

Я — вовсе не лгунья.

Вы — чудесная пара для славного дельца!

Если будешь подругой такого владельца,

«Мисс Америкой» станешь на конкурсе, Эмма,

И решится твоя основная проблема.
Хорошенько обдумай мои предложенья
И помягче, дитя, выбирай выраженья.
Ведь не я же к тебе привязалась, а ты!
Мне до лампочки все твои страсти, мечты,
Но уж если меня умоляешь помочь,
Так ведн себя, как благодарная дочь!
Сделай выбор. Ответственность я не несую
За решение твое — заруби на носу!

Между тем, старичок пододвинулся ближе:
— Что ты сердишься, крошка?
Обсудим давай
Интересы, условия...
Мы бы, я вижу,
Распрекрасно могли поделить каравай!

— Знать еще бы, какие у вас интересы
И какие условия... ближе к ночи?
— Я тебя обеспечу восторгами прессы,
И деньгами, и славой...
Да ты помолчи!
«Мисс Америка» — это реклама, дай боже!
Твоя слава вернет мне убытки с лихвой,
И, служа моей фирме, ты, девочка, тоже
Превратишься в ее капиталец живой!

— Да, от славы не бегают... — шепчет гадалка.—
Слава — сильная вещь, упускать ее жалко.
Нынче слава — любого богатства сильней,
Даже крупные деньги — ничто перед ней.

А старик добавляет:

— У славы теперь
Нет соперниц! Любая откроется дверь
Перед нею. И голову склонит любой
Перед славой, а именно — перед тобой!
И как только получишь венец Красоты,
Станешь лучшей для фирмы рекламою ты.
Перестань упираться! Возьмись-ка за ум!
Прессу я подкуплю, и поднимется шум,
Прославляющий имя твое и портреты,
Репортеры прискачут из каждой газеты,
Чтоб расписывать бойко для первых страниц

Обольстительность губ твоих, глаз и ресниц.
Если ты на условия эти согласна,
Ты получишь свое, я — свое.... И прекрасно!

...Всю я ночь не спала, над судьбой размышляя:
Разве станет певицею дочь бедняка?
Ни работы, ни денег...
Наутро пришла я
И прочла наслаждение в глазах старика.
Был он счастлив, что именно это решение
Приняла я, обдумав его предложение.
С той поры неразлучно мы были вдвоем,
Он заботился о процветании моем.

Прожигали мы дни в дорогих ресторанах,
Я жила беззаботно, как в сладостном сне.
Так роскошные звезды живут на экранах.
Это я ли?.. Порою не верилось мне!
Дорогие наряды, отели, курорты,
Развлечения, поездки, безумный успех.
Это — сладкая жизнь!
Долю горькую — к черту!
Сладкой жизни хочу!
Ведь не хуже я всех!
И на сладкую жизнь я накинулась жадно,
Как голодный — в жару на кувшин молока!
Спихнулась и вдруг поняла беспощадно —
Третий месяц любовница я... старика!

IV

Пять месяцев мной занимался художник —
Лицом, и глазами, и телом моим.
Художник-портной и художник-сапожник
Трудились — работы хватало тронм.

И вот, наконец, открываются двери
Заветной мечты — Золотого Дворца!
А там я встречаю красавицу Мери, —
Горю от стыда и дрожу без конца...

Куда мне на конкурсе с ней состязаться?
И кто бы корону отнять у ней мог,

Когда красоту, если честно признаться,
Ей дал не художник за деньги, а бог?

Румяна, и грим, и помада, и пудра —
Вот вся красота, что сверкает на мне.
Хотела удрать — это было бы мудро,
Но шепчет гадалка:
— Не стой в стороне!
Чего ты, красотка, дрожишь, как страшило?
Ведь люди глядят... улыбнись поскорей!
Вчера еще это жюри порешило,
Что будет корона твоею... твоей!

— Ты что говоришь?
— Говорю тебе дело!
Победа твоя несомненна для всех.
— Так сколько же черных очков ты надела
Им всем на глаза, чтобы вырвать успех?

...Парадом красавицы ходят с флажками
(Флажок — это фирма, что платит за них).
Расселось жюри, чтоб, сверкая очками,
Оценивать каждую черточку, штрих.
Какие же яркие собраны звезды
На конкурсе этом! Такая краса,
Что блещет вокруг ослепительно воздух,
Как будто на землю сошли небеса!

Меня объявляют. Зеленый флажок.
(От мебельной фирмы!) сжимая до дрожи,
По залу иду, где, собравшись в кружок,
Хлоп-группа моя аплодирует... Боже!
О, господи, если бы только ты знал,
Как нас унижает фальшивая слава,
Когда накануне подкупленный зал
Тебе аплодирует с криками «браво!».

На туре втором, в пеньюарах прозрачных,
Где светится тело — до тонкостей брачных! —
Мы шли демонстрировать наши тела —
В чём мать родила!

О, нет же, не девушки там выступают,
И не красота соревнуется там, —

А фирмы, которые нас покупают
И денежки платят по крупным счетам!

Жюри удалилось. Тоска ожидания...
А Мери глядит на меня из угла.
Читаю во взгляде печаль сострадания:
— Бедняжка, ну как ты решиться могла?
Сплошные красавицы! Эта корона
Достанется разве дурнушке такой?
— Да, я — не красавица, определенно.
Мне бог не воздал своей щедрой рукой.
Но разве должна я, красавица Мери,
Страдать беспросветно? Я счастья хочу!
В надежду последнюю искренне веря,
Быть может, судьбу я за хвост ухвачу!
— Но здесь, дорогая, не конкурс надежды,
А бой, состязание за приз красоты.
И даже слепцы, дикари и невежды
Увидят, что все мы — красивей, чем ты.
— Однако, затея моя, между прочим,
Твою красоту пересилить могла б.
Охотно мы все поражение пророчим
Тому, кто воистину жалок и слаб.
Создатель мою красоту поубавил,
За мой же он счет увеличил твою.
За это я буду переть против правил
И брать свою долю в неравном бою!
Лишь на два ты пальца стройнее и выше,
Лишь на два, не больше! Не веришь — проверь!
За мой это счет! Не жалей меня, слышишь?
Свое возвращу я — вот здесь и теперь!
Запомни, господь у одних отнимает,
За их же он счет прибавляет другим.
Да-да, это многое очень меняет,
И я рассчитаюсь по-своему с ним!

...Так мы говорили с подругой глазами,
И это ведь был разговор не простой.
Но вышло жюри!.. В напряжении замер
Дворец.
Прочитали решение... Постой!
Не правда ли,
Я — Красоты Королева?
Ты слышала, что председатель сказал?

Не веришь?
Взгляни-ка направо, налево —
Увидишь, как мне аплодирует зал!
Я тоже не верила в ложь, лицемерье,
И в то, что царят они рядом и сплошь!
Но знаю теперь я — распахнуты двери
Тому, кто поверил не в истину, в ложь!
Доверись правде — себя же обманешь,
И верю я в ложь, ибо истина — в ней.
Мой голос прекрасен — ты спорить не станешь! —
Но сколько я даром потратила дней?..
Хоть я некрасива, сказали: «Прекрасна!» —
И лжи моментально поверили все.
И я коронована единогласно,
И видят меня в несравненной красе.

Где истина жалит — там ложь приласкает.
У истины очень уж горький язык!
А сладкая ложь говорит: «Я — такая,
Какою ты истину славить привык.
Но ты ее выдумал, истины нету,
Она — порожденье фантазии, бред,
А я неустанно шагаю по свету
И с пользой тружусь, а не людям во вред!»
Да, ложь выбирает дорожки кривые,
Но всюду проходит кратчайшим путем.
И я поняла эту мудрость впервые
Сегодня на конкурсе... Так мы растем!
Ложь — ключ, открывающий тайные двери.
Нас мучает истина, чтоб истончить.
Таранит и ранит нас истина, Мери,
А ложь эти раны способна лечить...
Правительство провозгласило повсюду,
Что я — Красоты Королева. Ну что ж!
Красавицы, не огорчайтесь! Не буду
Скрывать: это — самая наглая ложь.
Хоть я некрасива, но кто же при этом
Красавицей смеет меня не считать?..
Когда под моим триумфальным портретом
Увидит любой, кто умеет читать:

«МИСС АМЕРИКА».

Терзаются пусть записные красотки,
Которые чванно жалели меня:

Ни царского роста, ни царской походки...
 Но я коронована — с этого дня!
 Красуйтесь, красавицы, передо мною
 И смейтесь, хихикайте там по углам, —
 О, да, вы прекрасны, как солнце с луною,
 А я миловидна с грехом пополам,
 Но помните:
 Бог у одних отнимает,
 За их же он счет прибавляет другим.
 Да-да, это многое очень меняет,
 И я рассчитаюсь по-своему с ним!
 Хотя я некрасива, но кто же при этом
 Красавицей смеет меня не считать,
 Когда под моим триумфальным портретом
 Увидит любой, кто умеет читать:

«МИСС АМЕРИКА»!

V

Едва присудили мне приз и венец,
 Я стала рабыней... Свободе конец!
 Судьба моя к черту летит кувирком,
 Запродано время мое целиком —
 Секунды, минуты, часы и года
 Не будут моими уже никогда!

Я — больше не я, а живой капитал,
 И час роковой для расплаты настал:
 Гадалка ликует, а старый фирмач
 Купоны стрижет и летает как мяч —
 Туда, и сюда, продавая меня
 Дороже и выгодней день ото дня!

Газеты немыслимый подняли шум,
 Мою красоту восхваляя и ум.
 И самая громкая пресса орет,
 Что самый я главный в стране патриот,
 Что больше всего я люблю этот край,
 Который для всякого — истинный рай.

Такая лилась на меня похвала,
 Что чуть я от счастья с ума не сошла!
 И я опьянела от лести густой,

Поверила в то, что блещу красотой,
 И делалась краше я день ото дня —
 Такая уверенность шла от меня!

...Порой, усомнившись в своем торжестве,
 Я думала: все это — сон в голове,
 Сплошное виденье, иллюзия, бред...
 Но мой красовался повсюду портрет!
 И кто сомневался в шедевре таком?
 Лишь я, да и то на мгновенье, тайком.

Ведь приняло дело такой оборот,
 Что вся поголовно страна и народ
 Считают красавицей первой меня —
 И это творится средь белого дня!

Допустим, что, свой ублажая каприз,
 Нечестным я образом вырвала приз,
 Жюри подкупила, пошла на подлог, —
 Но целый народ ведь ослепнуть не мог?!
 Зачем же вознес он меня до небес,
 Зачем же огромный такой интерес
 К персоне моей проявляет народ —
 Ему же платок не накинешь на рот!

Куда ни приеду — восторги, цветы...
 Считают вершиной меня красоты!
 Да что они все, походили с ума?

Ослепли?
 Загадка!
 Не знаю сама...

И каждое утро несет почтальон
 Мне письма от тех,
 Кто готов миллион
 На счет мой немедленно перевести —
 За право со мною лишь ночь провести!

Ликует старик, он само торжество —
 Я крупно прославила фирму его!
 Взвинтились доходы на тыщу процентов,
 Заказы идут от роскошных клиентов.
 За месяц — никак не нарушив законов! —
 Имеет он прибыли
 Сто миллионов!

Для роста грядущего спроса и прибыли
Переменяли название мебели:
Название мебели тоже — проблема,
И мебель теперь называется «ЭММА».
Различные кремы, лосьоны, духи,
А также флаконы другой чепухи,
Мгновенно мои оклеились фото —
От этого прибыль растет у кого-то!

И нет ни одной замечательной встречи
Без громкой моей замечательной речи.
Включи телевизор — и с важною миной
Я там выступаю с чужой писаниной,
В которой все черное названо белым,
Все подлое — честным, трусливое — смелым.
Строчат это люди из Белого дома,
А врут они так, что набита оскома!
Но я выступаю с таким вдохновеньем,
Что все меня слушают с благоговеньем,
Когда говорю я, что равенство, братство,
Сплошная свобода, сплошное богатство,
Само благородство, и совесть, и честь
В Америке, только в Америке есть!

Язык мой за деньги вертелся, как лопасть,
Я быстро сползала в бездонную пропасть,
И в пропасти — меж языком и душой —
Нашла свое счастье, как слиток большой!

...Мэр города принял нас в райском саду.
Старик веселил его кучей рассказов.
Носили роскошные вина, еду.
Играл под деревьями лучший из джазов!

И вдруг я заметила — нет старика...
Исчезли лакеи. Не слышно смывка.
Глубокая ночь. Я беседую с мэром.
— А где же старик? Что с моим кавалером?

— Он дома давно... Уходя, говорил,
Что мне он одну твою ночь подарил.
Ужель не достоин я ночи одной,
Одной твоей ночи, мой ангел земной!?

— За сколько же продал старик
Мою ночь?

— Зачем тебе это?
— Я знать бы не прочь,
Кто цену заламывал,
Вы или он?
За ночь предлагали ведь мне
Миллион!
Скажите, а ваша цена хороша?
— За ночь я твою не платил ни гроша.
Ее приобрел я за подпись одну.
— Я вам посоветовать все же рискну...
Верните скорей свою подпись обратно,
Убытки нести никому не приятно,
А ваша покупка уходит.
Гуд бай! —

Как только я встала,
Здоровый бугай
Мне путь преградил.
Я направо, налево —
Бандитские рожи...
Ведь я — Королева!

VI

...А наутро приехала я к старику,
Попивала с ним кофе гадалка-старуха.
Тут я волю дала своему языку,
И была моя речь потрясеньем для слуха!
Я решила им высказать все напрямик,
Все, что выело душу до самых печенок:
— Ты растлил и торгуешь ты мною, старик,
Наживаясь на мне, как последний подонок!

И тогда заорала старуха:
— Заткнись!
Кем была ты? Уродиною нищей, бездарной!
Что ты мелешь? Ты в ноги ему поклонись,
А не злобствуй гадюкою неблагодарной.
О, как быстро забыла свою нищету,
Свой ничтожный удел, предназначенный богом!
Много денег теперь у тебя на счету,
Прощетаешь, но зря ты забыла о многом...
Год назад человеком ты разве была?

Червяком!
 А теперь — Красоты Королева!
 Кто корону купил? Кто устроил дела,
 Тыча крупные взятки направо-налево?
 Кто проклятую славу твою оплатил,
 Знаменитостью сделал тебя, оборванка?
 Кто твою золотую мечту воплотил,
 Смял соперниц твоих с беспощадностью танка?
 На его, дорогая, огромных деньгах
 Ты достигла высот. И тому я свидетель!
 И за то, что ты крепко стоишь на ногах,
 Поклонись ему в ноги! Он — твой благодетель.
 И еще на один я отвечу вопрос:
 Кто красавицей сделал тебя несравненной?
 Я! А кто же еще?!
 Язычок твой подрос
 И сегодня шипит ядовитою пеной,
 Но была ты дурнушкой, и слезы лила,
 И меня умоляла ты голосом сладким.
 — Мою внешность твои украшали дела,
 Мое сердце уродуя образом гадким!
 — Не лягай свое счастье! Молотишь ты вздор,
 Ты забыла, какому обязана чуду!

Тут вмешался поганный старик в разговор:
 — Твое имя и слава известны повсюду.
 Но ведь Мери красивее в тысячу раз, —
 Ну и что же? Мое победило старанье!
 Ты — в короне. А бедная Мери сейчас
 Еженощно поет в дорогом ресторане.
 Обанкротилась фирма, залезла в долги,
 Мери тут же уволили — все по закону!
 И поет она песенки. Только не лги,
 Что не мы у нее отобрали корону.

— Мери стала певицей? Безумие! Бред!
 Что ты смотришь, старик, так ехидно и косо?
 Да, красива она! Но при том не секрет:
 Я прекрасно пою, а она безголоса.
 Как же можно без голоса петь? Ерунда!
 Соловьем не заставишь работать ворону.
 — Разве ты красотой обладала, когда
 Отняла у красавицы первой корону?

Я смолчала. Он прав, беспощадный старик.
 У него не расходятся слово и дело.
 Никогда он своих не стыдился интриг,
 Шел на них откровенно, цинично и смело:
 — Ради бизнеса — чем я гнушаться могу?
 Капитал не брезглив, ибо деньги не пахнут.
 Если прибыль растет, а соперник в долгу, —
 Лайф из бьютифул!* Пусть ненормальные чахнут,
 Угрызеньями совести мучаясь всласть,
 Незапятнанной честью гордясь монотонно.
 Деньги — высшая сила и высшая власть,
 А мораль — предрассудок, и гибче картона...

...В чем-то был он гораздо честнее меня:
 Я хотела богатства и совести чистой!
 Ложь все более прибыльна день ото дня.
 И убыточна правда.
 Попробуй-ка, выстой
 В этой битве, богатство и честь сохраняя,
 Чистоту и богатство, талант и богатство!
 Ложь звенит и надежно хранит, как броня,
 Наши подкупы, сделки, разврат, казнокрадство.

...Потерпев поражение на конкурсе, Мери
 Заболела и месяц лежала пластом.
 — Правды нет! Для богатых распахнуты двери,
 А для бедных закрыты — и крепко притом!
 Хоть умри, доказать ничего невозможно.
 Стать посмешищем жалким и правду искать?
 Прослывешь сумасшедшей! Нет, будь осторожна:
 Ищешь правду — в полицию станут таскать!
 Безданное время... Дорогой недоброй
 Всех толкает оно на плохие дела.
 Честь и совесть? А с ними, как с писаной торбой,
 Нету смысла носиться —
 Была не была!..

Вот и выход, слезами сжимающий горло,
 Но сильнее он прочих в неравном бою...
 О святое красавица ноги обтерла —
 О чистейшее имя, о совесть свою,
 Нарядилась, отправилась к миллионеру,
 Согласилась на все.

* Жизнь прекрасна! (англ.)

Он сказал:
— Не грусти!
Для тебя, дорогая,
Могу я, к примеру,
И на мраморе розы заставить цвести!

И поведала Мери, что подлая Эмма
Дивно пела...
Хотя и дурнушкой была,
Мисс Америкой стала.
Но в том и проблема,
Что певицею все-таки стать не смогла!

— Я намного красивей. Но дело простое —
Ей купили за деньги корону мою.
Некрасивая стала блистать красотой!
Почему я на сцене тогда не пою?
Нету голоса? Деньги затмят в этом плане
Самый яркий талант! И теперь я назло
Стать певицей хочу! Только это желанье —
Никакого другого!

— Тебе повезло!
Ты — певица, певица, моя дорогая!
Документы? Какая тут может быть речь?
Я деньгами огромными располагаю,
Мог бы даже я воду деньгами поджечь!
И зачем тебе голос, из горла звучащий?
Сильный голос зачем? И красивый зачем?
Голос денег намного сильнее и слаще,
Он волнует любого и нравится всем!

ХОР ДЕНЕГ:

У денег такой замечательный голос,
Он властен и ночью, и днем.
Так много сердец от него раскололось
И глаз разгорелось огнем!

Он слышится в звоне хрустальных предметов
И в гуле железных машин...
За шторами спален, в тиши кабинетов...
На стыке низин и вершин!

Не надо, не надо, прекрасная Мери,
Страдать и сгорать от стыда, —
На денежный голос откроются двери
Любые! Везде и всегда!

Зачем тебе голос, из горла звучащий?
Красивый и сильный зачем?
Ведь голос у денег сильнее и слаще,
А главное — нравится всем!

Ему аплодируют стоя и лежа,
А также пlying и летя...
И ты запоешь этим голосом тоже ---
Ведь ты безголоса, дитя!

Иди к микрофону, прекрасная Мери,
Услышат — хоть шепотом пой!..
На денежный голос откроются двери,
Закрытые перед тобой.

VII

— Катитесь к черту! Я устала! Хватит!
Я ненавижу этой славы грязь!
Тебе, старик, за каждый шаг мой платят,
А ты торгуешь мною, не стыдись!
Как мебелью, моим торгуешь телом,
Моя улыбка — фирменный товар!
Решила я покончить с этим делом.
— Корону отниму! Не так я стар,
Чтоб не купить красавицу другую.
С тебя сниму корону, ей отдам.
Я — бизнесмен. И чем хочу, торгую:
Коронами, телами юных дам...
— Но красота — не вещь! Отнять такое
Не в силах даже черт о двух рогах.
Старик махнул презрительно рукою:
— Вся красота твоя — в моих деньгах!
Уродство, красота, провал и слава
Подчинены богатству моему.
Кто платит, тот на все имеет право —
Я дал корону, я и отниму!
Не только ты, правительство зависит
От кухни капитала! С глаз долой!

Кого хочу, того оно возвысит
И восхищаться будет хоть метлой!
Да-да, метлу, разряженную в тряпки,
Метлу в помаде, в пудре и духах,
На задние привскакивая лапки,
Ты знаешь, как встречают на верхах!
Ты думаешь они ослепли, что ли?
Не отличают дрянь от красоты?
Нет, это фарс! И основные роли
В нем куплены, — одну играла ты!
На эту роль сгодились бы любая —
Нашелся б только денежный мешок,
Который, всех в бараний рог сгибая,
Соперников стирая в порошок,
Завертит этот фарс, интригу, пьесу,
Заставит белым черное назвать
Министров, телевидение, прессу —
На всё им, кроме денег, наплевать!
Я — бизнесмен. И чем хочу, торгую:
Интригами, телами юных дам.
На роль твою могу я взять другую —
С тебя сниму корону, ей отдам! —

...Такое время и такие нравы.
Страна такая и такая власть.
Я в этом фарсе стала жертвой славы.
И я была готова все проклясть!
Так низко пасть!.. В такой позор скатиться!..
Попробуй-ка в одну хоть из газет
С таким разоблачением обратиться —
Тебя, как психа, бросят в лазарет.

...А в это время заявился в гости
Рудольф, моя несчастная любовь.
Клянусь, я чуть не лопнула от злости!
— Медальними! На ней чужая кровь...

Он стал хвалить меня неимоверно
И говорить, что любит с детских лет.
— Медальними! Она же пахнет скверно!
Тебе не стыдно?
Отвечает: — Нет.

Представьте, от красоты моей небесной
Он без ума! Он по уши влюблен

Еще с тех пор, как девушкой безвестной
Бросала взгляды на его балкон.

— Медальними! Ты убивал и грабил.
— Нет, я сражался за нее, как барс!
А убивал согласно честных правил,
На благо всем!
— Какой кровавый фарс!..

Мы кофе пьем и говорим о жизни.
Он восхищен, особенно собой!
Он всем доволен. Все в его отчизне
Прекрасно! Розовато-голубой
Преобладает цвет... И нет причины
Для беспокойства. Надо жить, любя...
В огромном теле этого мужчины —
Малюсенькое сердце воробья.

И мой «герой» с медалью стал мне жалок:
Типичная штамповка наших дней!
Как партии дешевых зажигалок
Теперь таких штампуют нам парней.
Невежество, прикрытое набором
Трескучих фраз!
Где мужество и честь?
Безликость эту под большим напором
Шлифует век, до глянца чтоб довести!

А этот парень думает, наверно,
Что я, купаясь в славе и деньгах,
Довольна всем и счастлива безмерно,
Поскольку в высших признана кругах.
Как время для меня переменялось!
Теперь могу я все, что захочу.
Сменил и этот парень гнев на милость —
В любви мне объясняется... Молчу.
Представьте, от красоты моей небесной
Он без ума! Он по уши влюблен
Еще с тех пор, как девушкой безвестной
Бросала взгляды на его балкон.

Пусть не врет! Ни дружеской улыбкой,
Ни добрым взглядом не ответил мне,
Пока не стала золотою рыбкой

И первую красавицей в стране!
Теперь у ног он стелется травой,
Готов исполнить каждый мой каприз.
Но я иллюзий никаких не строю,
Он не в меня влюбился — в Первый Приз!
Да, он влюбился не в мои красоты,
А в Первый Приз, в корону, в шум газет,
В название мебели, духов, стиральной соды —
И где моих портретов только нет?!

— Люблю! Люблю! — твердит без передышки.
— Люблю! Люблю! — строчит, как пулемет.
Он верит лжи своей.
Он любит книжки,
Где автор врет и глазом не моргнет.

Кого ты хочешь обмануть? Меня-то?
Собаку съела я на этой лжи.
Твоя душа, как бумажонка, смята...
Ты — лгун и трус, начальству доложи!
С тобой начальство поступило мерзко,
Оно ведь научило молодежь,
Что правда есть уверенно и дерзко,
С большим подъемом сказанная ложь.
Сижу, молчу, но думаю об этом.
А мой Рудольф поет мне о любви,
То скрипкой заливаясь, то кларнетом, —
Такой концерт, хоть публику зови!

— Послушай, парень, ты ответь мне только,
В мозгу нажав на нужную педаль:
Вот нам обоим обошлись во сколько
Моя корона и твоя медаль?
Здесь ничего не получают даром!
Твое геройство, парень, мой успех —
Взамен чего?
Скажи, каким товаром
Мы торговали на глазах у всех?
Так знай, ценою совести и чести
Купили мы корону и медаль...
Своей душой мы торговали вместе —
Герой и королева, оба — шваль!

— Гуд бай!
— Гуд бай!
И он быстрее мышки
Бежать пустился в лестничный пролет,
«Люблю! Люблю!» — твердя без передышки,
«Люблю! Люблю!» — строча, как пулемет...

VIII

Иду по Бродвею, а вечер ненастный,
Осенняя слякоть и ветер с дождем.
Так хочется музыки, чистой, прекрасной!
Отчаясь, мы крыльев от музыки ждем,
Какого-то взлета над мерзостью века,
Над нашей продажностью, подлостью дней...
Я думаю, музыка для человека —
Родная душа, даже близких родней!
Я пела, бывало, и все забывала...
Теперь я забыла, как дивно пою.
...Афиша на тумбе концертного зала —
И я на афише кого узнаю?!
Конечно же, Мери, подругу свою!

...Выходит на сцену прекрасная Мери —
Улыбка, раскованность, руки парят!
Какая уверенность в этой манере!
Роскошный какой современный наряд!
Поет упоенно.
Она, как ни странно,
Довольна собой...
А ведь голоса нет,
Он слаб, как журчание струйки из крана, —
Не стал он сильнее от звона монет.

Откуда уверенность в этой манере?
Смотрите, как славно в неравном бою
Меж правдой и ложью
Красавица Мери
Укрыла ранимую душу свою!
Уверенность — это отличная маска.
Себя обмануть — это главная цель,
Ты многих обманешь потом!
Как замазка,
Обман забивается в каждую щель.

Я вас уверяю, что черное белым
У нас называют отнюдь не слепцы.
Пуд соли я съела, пока между делом
А суть эта — проще упавшей ресницы:
Я суть эта — проще упавшей ресницы:
Как белки вертятся в бытовом колесе,
Своими мозгами живут единицы,
А прочие думать привыкли, как все.

На бис вызывают красавицу Мери,
Три раза поет она песню одну.
Какая уверенность в этой манере,
Которая публику держит в плену!
Ее микрофонные шепоты, пiski
Так жалки, так пошлы! Но Мери сама
В восторге!
Овации, розы, записки,
Поклонники — публика сходит с ума!

О, боже, мы обе — фальшивые маски,
Участницы фарса, где ложь и позор.
И Мери живет еще в сладенькой сказке,
Но горечь расширила мой кругозор.
Как только прошло опьянение славой,
Своими мозгами я жить начала,
И фокусы лжи, этой ведьмы трухлявой,
Мне сразу видны — родилась не вчера!
Ведь я и сама — Красоты Королева:
Пустив дорожную косметику в ход
И крупные взятки направо-налево,
Заставила мной восхищаться народ.
Косметика сделать сумеет жар-птицей
Любую ворону!
А дай микрофон —
И станет у нас популярной певицей
Любая из куриц, не то что ворон!

Была настоящей красавицей Мери,
А я настоящей певицей была,
Но ложь перед нами захлопнула двери
И с черного хода к карьере вела.
Теперь я — красавица, Мери — певица...
Как страшно запутаны души, мозги,
Глаза, голоса!.. Чтоб с дороги не сбиться,

Запутывай дальше, обманывай, лги!..
А главное — это подмены, подлоги:
Внизу — голова, наверху твои ноги,
Ногами подумал — пошел головой,
Тогда обеспечен успех деловой.
Разгул произвола есть высший порядок,
А поиски правды — безумья припадок.
Открыв эту истину, я поняла,
Что могут поправиться наши дела...

...В антракте вбежала я к Мери обняться —
Мы спаяны горькою с нею судьбой:
— Послушай, давай именами меняться,
Чтоб стать, наконец-то, самими собой!

Я ей предложила отличную сделку:
— Ты станешь красавицей Эммою Найт,
Я — Мери, певицей... И времени стрелку
Вернем на исконное место, —
Ол райт?
Обманем обманутых! Косо и криво,
Но выйдем на ровный, на истинный путь.
Не я ведь, а ты бесподобно красива —
Так будь Красоты Королевою, будь!
Обманем обманутых! С маской фальшивой,
С притворством хотя бы на миг разлучась,
Свободой с тобой насладимся счастливой —
И Мери-певицей я стану сейчас!

...Она согласилась. Я вышла на сцену.
И дамы взволнованы, и господа:
Внезапно увидя такую подмену,
Стреляют глазами туда и сюда.
— Прошу я прощенья, почтенные дамы!
Прощенья прошу у почтенных господ!
Но розыгрыш — гвоздь настоящей программы,
И все вы прекрасно поймались! Так вот:
Она — Мисс Америка
(Шепот в партере),
Красавица! Звать ее Эммою Найт.
Я — просто певица. И звать меня — Мери.
Прошу отключить микрофоны!
Ол райт!

...Я пела, как звонкая мощь водопада,
Как звонкая нежность ликующих птиц, —
А им никаких микрофонов не надо,
Их слышат прекрасно без этих вещей!
И зал не дышал в тишине изумленной,
И голос мой лился, струился, сверкал,
Как звонкая свежесть поляны зеленой,
Весеннего ветра, фиалковых скал.
Я стоном глубоким закончила пенье —
Паденья бездонные, долготерпенье —
Весь опыт отчаянья — стон мой исторг...
Мгновенье молчанья, оваций восторг!
И я говорю им под грохот оваций:
— Взгляните на Эмму! Венец Красоты!
И может ли кто-то из вас сомневаться,
Что гений природы лепил ей черты,
Что прелесть вдохнул в нее гений природы,
Что нету красавиц, ей равных, в стране? —
И чуть от оваций не рухнули своды.
Вот эти овации нравились мне!
Она была Эммой, я — Мери... Впервые
Успех не фальшивый, успех не чужой!
Впервые
Дороги у нас не кривые,
Нет пропасти меж языком и душой!

Хотя бы на час, но собою мы стали!..
И только тайком поменяв имена,
Мы правду и ложь поменяли местами,
Чтоб истина явная стала видна.
И черное — черным, а белое — белым
Считалось в тот вечер, короткий, как сон.
Но в обществе треснул, нарушился в целом
Порядок, а все из-за наших имен!
И пусть! Даже нет никакого вопроса!
И выбора нет — в этом главная суть.
Лишь косо да криво, лишь криво да косо
У нас на прямой выбирают путь.
И ежели правды захочешь добиться —
Скорее хватайся за ложь, за подлог.
А быть пожелаешь свободным, как птица —
Ловушку найди, подходящий силос.
А доброе ищешь — хватайся за злое,
А счастья желаешь — несчастье хватай.

Забудешь об этом — клянусь головою,
Утонешь во лжи!
Эту повесть читай:
Хотя бы на час, но собою мы стали!
И только тайком поменяв имена,
Мы правду и ложь поменяли местами,
Чтоб истина явная стала видна.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Переводы Риммы Казаковой

Вовремя	7
Вэтэндаш	9
Мастер Али	11
Надежда	13
Новизна	15
Вторая жизнь	17
Мой враг	18
Услада и боль	20
«Человек без имени рожден...»	21
Когда гаснет телеэкран	23
Самому себе	25
«Дерево я полил...»	26
Одиночество	27
Голова	29
Попугай	31
«Как пустозвонство надоело мне!..»	32
Не хватает...	34
Ни то ни се...	37
Не закрывай окно	40
Поток	41
Доброе слово	43
Эта ночь	44
Предательство	46
Пятьдесят лет	48
Почему?	50
Ночи	51
Оскорбленье	52
Свеча	54
Гайд-парк	56
Стихи о Португалии	58
1. Стихи на камне	58
2. Грандола Вила-Морена	59
3. Море — кладбище мужчин	61
Диалектика	63
Время и пространство	64
Семь слов	65
«Неужели, дорогая, ты за снежной пеленой...»	67
Твой голос	68

«Когда огонь мой теплится едва...»	69
«Ты мне колыбельную пела любви...»	70

Переводы Анатолия Передреева

Угроза	71
Самоубийцы	73
«Опять смешались и добро, и зло...»	75
«Я весь в поту...»	76
Заповедники	77
Орел	80
Слезы	82
Искания	86
Легенда о Сократе	88
Когда идешь на смерть	90
Орден Улыбки	92
«Мы говорим...»	93
«Идеей большой человек загорится...»	94
«Я — дерево ветвистое...»	95
Честь	96
«Я везрастал на собственных ошибках...»	98
«Есть имена...»	99
«Хочу я сказки...»	100
«Боже, боже, кто я есть?..»	101
«Давай проникнем в бытие земное...»	102
Двойственность	103
Оттенки	104
Горькая жалоба	105
«В сердце — тысяча желаний...»	107
«В горенье жизнь...»	108
Рассвет	109
Букварь	110
Бабушки	112
«Может быть...»	113
Тени	114
Мы — твои частица	115
Расстались на улице...	121

Переводы Юнны Мориц

«О, песня, твоей благодарен я силе!..»	123
«Единственное средство от горького старенья...»	124
«До небесных высот я дошел...»	125
Биография одной жизни	126
«Методы у истины — особые...»	127
«Поскольку свякая ошибка нам страшна...»	128
«Три отметки, три цены...»	129
Выбор	130

Переводы Михаила Синельникова

Колыбель	131
Гара-зурна	135

Переводы Александра Кушнера

Разговор с матерью	137
Чинара	139
Стихи о Бетховене	140
Дни рождения	143
Баллада о собаке	144
Вне меня, в стороне	145
Я очень тоскую...	147

Перевод Юрия Ряшенцева

Латынь	148

Поэмы

«Четыреста шестнадцатая» — Перевод Риммы Казаковой .	153
Крылатые песни — Перевод Риммы Казаковой	211
Мисс Америка — Перевод Юнны Моринц	216

Ваһабзаде Бәхтијар Маһмуд оғлу

Ғәдбин Бүтөвлүҗү

Шерләр вә поемалар

(рус дилиндә)

Л а з ы ч ы — Б а к ы — 1 9 8 5

Редактор Мансур Векилов. Художник Е. Катакалидис.
Художественный редактор Э. Лазымов. Технический редактор В. Плиткина.
Корректоры Т. Кязимова, Н. Шамшура.

ИБ № 1683

Сдано в набор 8. 04. 1985 г. Подписано к печати 1. 10. 1985 г. Формат бумаги 84×103¹/₂. Бумага № 1. Гарнитура шрифта—литегатурная. Способ печати—высокая. Физ п. л. 7,75. Условн п. л. 1,02. Учетн. изд. л. 10,2. Тираж 7.000. Заказ № 579. Цена 1 руб. 50 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.

Издательство „Язычы“, 370005. Баку, площадь Натаван, 5.
Типография „Красный Восток“. 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 80.

2

628732

020732